

ДЕТИ АНТАРКТИДЫ

ЛЕД И ВОЛНЫ

ДАНИИЛ КОРНАКОВ

Даниил Корнаков

Дети Антарктиды. Лёд и волны

Серия «Дети Антарктиды», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69297301

SelfPub; 2024

Аннотация

Недалёкое будущее. Земля пала под натиском роя инопланетных захватчиков, вынудивших остатки человечества бежать в Антарктиду. Шестой континент оказался недоступен для полчищ вторженцев из-за их непереносимости низкой температуры. Шли годы, люди с трудом смогли приспособиться к условиям в суровом крае и организовать отряды «собирателей» – смельчаков, которые совершают рейды на захваченные пришельцами континенты в поисках необходимых для выживания ресурсов. Когда-то Матвей Беляев был одним из таких собирателей, лучшим в своём ремесле, но произошедшая в последней вылазке трагедия вынудила его отойти от дел. Однако, когда на кону оказалось выживание родной станции «Восток», Матвей соглашается стать проводником в смертельно опасной экспедиции до Москвы. Впереди тяжёлый путь через ледяные пустыни и штормовые моря, прямиком в опасные земли, кишасшие инопланетными тварями. И лишь от опыта Матвея зависит жизнь его спутников...

Содержание

Пролог	4
Ретроспектива	13
Глава 1. Восточники	23
Глава 2. Разные поколения	43
Глава 3. Чужаки	64
Глава 4. Сделка	80
Глава 5. Клятва	104
Глава 6. Доброе дело	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Даниил Корнаков

Дети Антарктиды.

Лёд и волны

Пролог

*Меж снежных трещин иногда
Угрюмый свет блеснёт:
Ни человека, ни зверей, —
Повсюду только лёд.*

*Отсюда лёд, оттуда лёд,
Вверху и в глубине,
Трещит, ломается, гремит.
Как звуки в тяжком сне.*

(Сэмюэл Тейлор Кольридж «Сказание о старом морехо-
де»)

18 января 2093 года

Громкий стук в окно выдернул его из дрёмы.
– Матвей, просыпайся! Быстрее!

Мужчина встряхнул головой, стараясь прогнать остатки сна. Смотрелся он неважно: чёрная борода взъерошена, лицо измождённое, под глазами мешки, взгляд – как у старика. И хоть было ему всего тридцать семь, выглядел Матвей на все пятьдесят.

– Ну, где ты там?! – пыталась разглядеть его сквозь заиндевелое стекло курносая девушка с каштановыми волосами. Её молоденькое лицо покраснело от мороза, а во взгляде чувствовался какой-то страх.

Матвей направился в переходный тамбур и, приоткрыв дверь на улицу, спросил:

– Арина? Что случилось?

– Склад... Там, кажется, склад горит!

Сон как рукой сняло. Матвей метнулся в комнату и стал судорожно одеваться.

– Давно горит? – спросил он вошедшую следом Арину, натягивая меховые унты.

– Мне откуда знать? Я шла к тебе, а на подходе заметила огромный столб дыма с западной стороны, как раз там, где склад, – она развела руками. – Я и бегом к тебе.

– Пошли.

Набросив парку из тюленьей шкуры, Матвей открыл дверь и выскочил наружу. В лицо ударил жгучий мороз. Даже не верилось, что при таком холоде что-то способно гореть.

Небо было на редкость чистое, без единого облачка, и только едкий, чёрный дым, идущий с окраины станции, за-

стилал девственную синеву.

Парочка уже бежала по узеньким улочкам среди жилых модулей, когда на станции раздался сигнал тревоги. Все восточники сначала с любопытством уставились в окна, а затем, спотыкаясь, стали выбегать наружу. Люди тащили с собой вёдра, кастрюли, кружки, одним словом, всё то, что могло бы помочь в борьбе с пожаром.

Матвей и Арина миновали рынок с плотным навесом из китовых и тюленьих шкур. На брошенных прилавках остались разные примочки с большой земли, рыба и так называемый «китовый набор» в виде ворвани¹, спермацета² и костей. По крайней мере, это всё, за что успел зацепиться взглядом Матвей, лавируя между торговых рядов.

После они свернули к старинному зимовочному комплексу с рисунком триколора и через минуту оказались на месте разворачивающейся трагедии.

Около половины склада успело сгореть полностью. Что означало сокращение суточного рациона, как минимум, на половину, если не больше. И это накануне зимы.

Пожар усиливался. Языки пламени напоминали когти взбесившегося зверя, желającego вырваться на волю. От

¹ **Ворвань** – жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих. Используется при производстве сыромятной кожи и замши, также идёт на смазочные материалы и горючее, такие, как масляная лампа.

² Спермацет – воскообразное вещество, содержащееся в голове кашалота, может использоваться для изготовления свечей, масляных ламп и смазочных материалов

сильного жара и гари слезились глаза, вынуждая то и дело тянуть руку к лицу.

Большинство людей, видимо, смирившись с неизбежным, наблюдало за происходящей катастрофой, словно в оцепенении. Их полные непонимания взгляды бегали по сторонам. Никто не знал, как следует поступать в подобной ситуации. Оно и понятно: огонь на ледяном континенте в диловинку, а пожар – так и вовсе явление крайне редкое.

Но всё же среди толпы были и те, кто не растерялся, не поддавался панике. Они черпали принесёнными вёдрами снег и кидали его в огонь. Правда, со стороны всё это предприятие выглядело крайне бестолково. Какие тут вёдра со снегом против подобного пожара?

– Матвей! – окликнул полярника запыхавшийся мужчина с ведром в руке. Видно, Олег Викторович и сам только-только сюда прибыл. Мельком взглянув на Матвея, староста станции переключил всё своё внимание на набиравший силу пожар. – Как же мы эту заразу да одним-то снегом... – прошептал он в отчаянии.

Олег Викторович стоял как заледенелый, будучи не в силах и пальцем пошевелить. Матвей понял, что помощи от него не дождёшься, и самолично принял на себя командование незанятой толпой.

– Ну, чего встали?! – закричал он на тех, кто не решался подойти к пожару. – Живее, живее, за снегом далеко идти не надо!

Желая пристыдить их, Матвей выхватил ведро у одного из стоящих столбом мужиков и храбро ринулся к огню.

– Разом! Вместе!

Арина тут же последовала его примеру, а там подтянулись и все остальные. У кого не имелось ёмкости, те прямо руками бросали в пламя пригоршни снега.

Со станции постепенно подтягивался народ. Громыхали ведра, шипел кинутый в пламя снег, да только огонь и не думал отступать.

Вскоре Матвей понял, что так пожар им точно не победить и следует сосредоточить все силы на спасении содержимого склада.

Немного подумав, он отправил тридцать человек к южной части склада для сдерживания огня. Сам с остальными, коих набралось двадцать мужиков, побежал к заднему входу здания вытаскивать собранную за последние четыре месяца провизию, пока её не сожрало пламя.

– Арина, ты куда?! – Матвей заметил, как его подопечная дала дёру от пожара.

– Я вездеход подгоню для погрузки. Подальше от пожара всё отвезём!

– Верно мыслишь, давай скорее!

Девушка довольно улыбнулась от наполняющей её гордости – любит она, когда её хвалят – и побежала, не преминув вернуться на первом же попавшемся сугробе.

К Матвею подоспел запыхавшийся староста:

– Ты зачем туда людей отправил? Тушить же надо!

– Да бесполезно это, не потушим мы здесь ничего.

– Как это?

– Да вот так вот, Олег Викторович. Нет у нас больше склада. Забудьте. Вытаскивать оттуда надо всё, что можно, иначе зимой без жратвы совсем останемся.

Не желая тратить время на болтовню, Матвей натянул воротник свитера на нос и присоединился к спасающим со склада провизию братьям и сёстрам.

Внутри помещения его обдало жаром. Отовсюду раздавался треск и поскрипывание дерева. В нос ударил отвратительный химический запах, от которого резало в глазах. Скорее всего, источником вони было горящее стекловолокно, которое использовали в качестве материала для строительства склада пятьдесят лет назад.

– Так. Вы, пятеро – вскрывайте яму! Остальные – тащите всё из холодильников. Сбрасывайте провизию на улице, подальше от входа. Дальше внутрь не заходить! К огню не приближаемся! – скомандовал Матвей.

Наблюдать за тем, как огонь пожирает собранные с таким трудом за год запасы, было невыносимо. Большую их часть составляла ставрида с клыкачами, пойманными у восточных берегов и предварительно замороженными для последующего хранения. Правда, львиную долю рыбы всё же пришлось выкупать у мирняков (жителей станции Мирный), живущих рядом с океаном. Им же, немногочисленным оби-

тателям станции Восток, увы, рыбалка была недоступна из-за отдалённости берега от станции.

Имелась также замороженная картошка, выращенная на ферме в одном из контейнеров, оставленных здесь в количестве трёх штук задолго до Вторжения. Были ещё огурцы, помидоры и морковь, выкупленная у китайцев со станции Куньлунь. Всё это хранилось в отдельных отсеках холодильников при необходимой температуре. Часть овощей съедали, остальное шло про запас с целью пережить полярную зиму, которая тянулась шесть долгих, опасных и невыносимо скучных месяцев.

Было на складе и немного пеммикана³ из тюленьего мяса. Матвей его страшно не любил. На вкус – дрянь редкостная, да и соли для его хранения добыть – целая морока. Но иногда всё же ел этот концентрат через не могу, как-никак в нём много жира, а жир в Антарктиде стоит на втором месте по ценности после электричества.

Немного опоздав, объявился двухметровый Йован с огромными волосатыми ручищами. Не дожидаясь указаний, он стиснул набитый овощами холодильник в своих медвежьих объятиях и, вместо его разгрузки, поволок тяжеленную бандуру к выходу. Матвей поспешил ему на выручку, подхватив холодильник с другой стороны.

³ Пеммикан – традиционная пища североамериканских коренных народов, состоящая из высушенного мяса, жира и ягод. Используется как питательная и долговременная еда в походах и зимние месяцы.

— Ну, что? Доброго утречка, что ли, Матюш? — сквозь зубы проговорил здоровяк, встретившись с ним взглядом.

— Да куда уж добрее, — отшутился тот в ответ.

— А я ещё думаю, чего это палёным так завоняло? Вроде, не твоя смена на кухне сегодня... А тут вон оно что!

Йован всегда находил место и время, чтобы отпустить шутку, даже если та была совершенно неуместной и глупой.

Пока одна группа вытаскивала всё из холодильников, другая, к которой присоединился Матвей, на раз-два подняла огромную крышку, прикрывающую морозильную яму в полу. Внутри ледника было полно мишуры из порванных книг и сухой ткани. Мужики стали быстро её разгребать, чувствуя спинами, как огонь подбирается всё ближе. Потратили, должно быть, с минуту, пока не добрались до самого большого запаса рыбы.

В это время ко входу подъехала Арина на стареньком вездеходе «Тайга». Она открыла кузов и стала закидывать в него сваленные на земле припасы.

Через десять минут на складе стало совершенно нечем дышать, от химической вони голова шла кругом. Люди стали кашлять и задыхаться. Тогда Матвей велел всем немедленно выходить из здания.

Почти все запасы, что были в морозильной яме, так в ней и остались. Холодильники успели опустошить, но не все — огонь оказался быстрее и добрался до них раньше людей.

Арина всё собранное перевезла на безопасное расстояние,

но смотреть на спасённую рыбу, овощи и несколько кубов пеммикана без мыслей о надвигающейся беде было невозможно.

Следующие полчаса жители станции Восток в количестве ста тридцати четырёх человек наблюдали за догорающим складом. Сгорели не только вещи, не только еда, сгорел их шанс пережить надвигающуюся зиму в самой холодной точке мира, которая только имелаась на Земле.

И всё же, несмотря на свалившуюся беду, в толпе не раздавалось ни всхлипа, ни плача. Женщины держались стойко, прижимая к себе детишек, укутанных в десяток одежек, а мужики с отчаянием вздыхали, потирая макушки и втихомолку матерясь.

Восточникам было не привыкать к трудностям. Так уж сложилось, что ещё тридцать три года назад судьба уготовила им непростую долю – поселиться в этом суровом крае без права выбора. За это время они научились выживать в суровых условиях станции Восток и всегда находить решение в любой, казалось бы, на первый взгляд, безвыходной ситуации.

Теперь же им предстояло новое испытание, должно быть, самое суровое за последние несколько лет.

И Матвей понимал это. Как понимали и все собравшиеся рядом с ним братья и сёстры.

Ретроспектива

Вторжение мерзляков, воспоминания очевидцев.

Место хранения: Архивный отдел станции Амундсен-Скотт, Антарктида.

Дата начала заполнения документа: 13.02.2075.

Дата окончания заполнения документа: 14.11.2075.

С заметками и пояснениями старшего архивариуса Дерекка Терри.

Выживший!

Прежде, чем ты приступишь к чтению этого документа, я должен тебя предостеречь, что приведённые ниже отрывки из рассказов свидетелей не претендуют на полноту изложения информации о нападении инопланетян на Землю и предназначены, скорее, для поверхностного ознакомления с событиями тех ужасных дней. Если же тебе интересно погрузиться в историю Вторжения мерзляков с точными датами и фактами, я советую обратиться к ближайшему архивариусу, он поможет тебе найти все записи тех дней. Спасибо за понимание.

Идея создать эти записи принадлежит моему отцу, старшему архивариусу Маркусу Терри. Несколько лет назад у него зародилась мысль совершить поездки по всем ны-

не действующим станциям для бесед с непосредственными свидетелями Вторжения, дабы ознакомиться с их видением событий тех дней. Ему не хотелось оставлять нашим потомкам один лишь безликий и холодный текст, описывающий нападение пришельцев. Отец желал добавить к нему документ более живой, сравнимый с хорошей документальной прозой, от прочтения которого не тянет зевать.

К сожалению, ему так и не удалось осуществить задуманную экспедицию: отец умер во сне год назад. В связи с этим я взял на себя смелость осуществить его замысел и теперь с гордостью представляю тебе плод моего путешествия длиною в девять месяцев.

Мною было собрано множество воспоминаний людей из самых разных станций, но наиболее примечательные и, на мой взгляд, хорошо отражающие хронологию Вторжения отрывки я собрал в этом документе. С остальными интервью и рядом дневниковых записей на трёхстах пятидесяти четырёх страницах ты можешь ознакомиться здесь же, достаточно обратиться к одному из архивариусов.

Приятного чтения, выживший.

Старший архивариус станции Амундсен-Скотт, Дерек Терри.

Станция «Халли».

Очевидец: Яна Вербеке, 52 года.

Я помню, как сидела в тот день с моей дочкой Агной у

телевизора. Мы смотрели на Юватч ⁴ её любимый мультфильм про волчонка по кличке Серая Шёрстка, который то и дело попадал во всякие переделки. Например, в одной из серий он едва не стал жертвой охотников и... впрочем, это излишняя деталь для рассказа, верно?

Понимаете, просто Серая Шёрстка занимает особое место в моём сердце и сердце моей дочери, потому, что он стал таким мостиком между прежней жизнью и той, которой в итоге живём. Не только мы, а вообще все...

Знаете, наверное, это глупо прозвучит, но я иногда задумываюсь, сколько людей по всему миру смотрело Серую Шёрстку в тот момент, когда их жизнь навсегда изменилась? Интересно, добрались ли они до Антарктиды? Живы ли? Не могу это объяснить, но, даже не зная тех людей, я чувствую с ними какую-то странную связь.

Никогда не забуду, как мордочка волчонка на экране зависла, звук исчез, и через мгновение картинка на телевизоре сменилась на большую надпись: «ВНИМАНИЕ! ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ!»

Вот тогда-то я и поняла, что совсем скоро всё будет по-другому...

Станция «Чжуншань».

Очевидец: Чэнь Юй, 51 год.

⁴ Юватч – видеохостинг, где наши предки размещали видеозаписи (Прим. Де-река Терри).

Все, у кого в тот день и тот час были телефоны под рукой, почти разом получили это сообщение. Кажется, тогда весь Китай в одночасье разразился таким протяжным звоном, от которого кровь стыла в жилах.

Мне сообщение пришло, когда я был в аптеке, покупал лекарство для бабушки (у неё были проблемы с сердцем). Помню, как переглянулся с продавцом, которого я знать не знал и видел впервые в жизни. Но в то мимолётное мгновение мы с ним словно породнились, поскольку нас обоих связало общее чувство страха.

Мы оба были до смерти перепуганы.

Станция «Палмер».

Очевидец: Билли Барлоу, 62 года.

Там было написано: «Проследуйте до ближайшего бомбоубежища. Это не учения».

Я тогда обедал в кафе Портленда, штат Мэн. Помню, как все вскочили с мест, оставив еду, и быстрым шагом направились к своим машинам. Официантка не донесла поднос с заказом, осторожно положила его на барную стойку и забежала в подсобку. Буквально через минуту, даже не переодевшись, она выбежала наружу с ключами в руке, укрываясь от взбесившейся на улице метели своей тонкой ладошкой.

Ну, а я не торопился. Мне это сообщение сразу показалось странным. Так сложилось, что я побывал в похожей

ситуации на Гавайских островах в 2038-м. Тогда объявили угрозу ракетной атаки, но в итоге оказалось, что «кто-то нажал не на ту кнопку», ложно оповестив жителей и напугав их до усрачки. Так вот, там хотя бы писали о ракетных ударах. А тут? Просто проследуйте в бомбоубежище? От кого?

Итог мы все знаем... Лучшие бы это были ракеты... Мой нездоровый скептицизм вперемежку с полученным опытом спасли мне тогда жизнь и привели сюда.

Станция «Мирный».

Очевидец: Олег Морозов, 66 лет.

О назревающем конце света мы с женой узнали, кажется, самыми последними в нашем крае. Жили мы тогда в Петропавловске-Камчатском, что на полуострове Камчатка. Но так получилось, что, когда вся эта заваруха началась, я отдыхал с супругой в нашем домике в лесу. Там на несколько километров вокруг ни души, тишина, как на кладбище. Вот мы и наслаждались ею. Наслаждались по полной: без телевизоров, телефонов, интернета и всего такого, от чего мозг разжигается со временем.

И тут ни с того, ни с сего к нам приехали дети с внуками. Дочь и сын перепуганы до ужаса, рассказывают о происходящем кошмаре. И что приехали к нам, потому что на участке безопасней. Да и было у меня некое подобие бомбоубежища со всем необходимым. Времена тогда были труд-

ные, все жили как на бочке с порохом...

И вот, помню, собираемся мы уже прятаться, как на телефоны детей стали приходить странные сообщения и видео, в основном, с Африки, Южной Америки и Ближнего Востока. Там на них... Ох, даже вспоминать страшно... Были там существа, напоминающие огромных насекомых, размером со слона. Их целые тысячи были, десятки тысяч... Людей они рвали на куски толпами. Жуткое зрелище.

После такого все словно походили с ума.

Станция «Мак-Мердо».

Очевидец: Джерико Сильверстоун, 69 лет.

Пришельцы. Они прилетели с метеоритами. По крайней мере, так сообщил президент в своём экстренном обращении к нации сразу после появления тех видео и стримов. Разумеется, он просил всех не поддаваться панике и уверял, что объединённые армии всех стран наспех сколотили Международный Альянс для борьбы с иноземными захватчиками и уже вступили в бой.

Лично мне в тот момент это придало какую-то надежду. Ну, куда тягаться с танками и самолётами каким-то там тараканам-переросткам?! Но уже на следующий день стали поступать сообщения, что солдаты по всему миру гибнут миллионами в сутки. Миллионами! А эти твари продвигаются всё дальше на юг.

До сих пор не понимаю, какого чёрта не нажали на «крас-

ную кнопку»? Надо было шандарахнуть прямо в те места, где их было больше всего. Всем, что было на вооружении! Глядишь, выжило бы намного больше людей, и мы не поды-хали бы здесь, на этой трижды проклятой ледышке!

А ещё потом в сети всплыла карта с точками, куда упали метеориты с пришельцами. Десятки тысяч булыжников, из которых потом повылазили эти твари, грохнулись меж-ду сороковыми параллелями южной и северной широты. В особенности досталось Африке, Центральной Америке, Ав-стралии и Юго-Восточной Азии, и НИ ОДИН из метеори-тов не упал хотя бы чуток за пределами этих параллелей. Только потом до людей допёрло, почему так произошло...

Станция «Кейси».

Очевидец: Харрисон Браун, 60 лет.

Теперь я уже точно не скажу, кто и где впервые выдвиг-нул гипотезу, что мерзляки не переносят холода, но основой для этого утверждения послужила известная карта паде-ния метеоритов с пришельцами. Помню, что всем на смарт-фоны стало приходить сообщение с указанием двигаться в те районы, где отрицательная температура окружающей среды ⁵. Здесь, конечно, можно было только позавидовать

⁵ Выживший, ты, наверняка, задаёшься вопросом: «Почему во время Втор-жения работала спутниковая связь, и люди, как ни в чём ни бывало, продолжа-ли общаться друг с другом?». Всё просто. Дело в том, что спутники в те време-на работали в автономном режиме, обеспечивая на протяжении полугода наших предков хорошей связью и интернетом. Более того, работа спутников во время

русским с их Сибирью и канадцам. А вот моей родной Австралии, где столбик термометра никогда не опускается ниже $+20^{\circ}\text{C}$, а снег является чудом природы, суждено было продержаться недолго.

Мне повезло. Я тогда работал на должности главного инженера и находился в длительной командировке в Шпицбергене. Если вам интересно, мы там устанавливали ветряки нового поколения в небольшом городке Исбьёрнхавн. В 50-е и 60-е годы подобные городки много где возводили, людей тянуло подальше от жары. Можете себе такое представить сейчас?

Ну, да ладно, это я так, отвлёкся. Что было потом? Ах да, люди выяснили, что от пришельцев можно спрятаться в холодном климате, да только вот произошло это спустя месяц после Вторжения. Армии всех стран были почти разбиты, а половина населения Земли уничтожена. Уцелели лишь те, кто успел оказаться за чертой холодного фронта.

Тогда стояло начало декабря, но было очевидно, что через пару месяцев холод отступит, и тогда пришельцы нагрянут в бывшие ещё недавно безопасными зоны и перебыют всех. Сражаться с ними не имело смысла. Да и чем? Палками и ножами? Огнестрельного оружия почти ни у кого не было. Да и будь оно, толку от него – ноль. Подтверждение

Вторжения лишний раз подтверждает теорию о том, что мерзляки, несмотря на их силу и многочисленность, крайне глупы и действуют, скорее, как рой саранчи, нежели раса, превосходящая умом человека. (Прим. Дерекка Терри).

тому — десятки миллионов мёртвых солдат и сотни тысяч разрушенных единиц военной техники.

В итоге правительство уцелевших стран признало поражение и сообщило точки координат эвакуации, откуда всех выживших должны были доставить на кораблях в туристические поселения и научные станции Антарктиды. Времени оставалось до конца месяца.

Многие на Шпицбергене сочли неразумным покидать архипелаг, сочтя его безопасным местом. Уж не знаю, живы ли они до сих пор. В любом случае от наших собирателей и моряков я ничего не слышал о судьбе архипелага.

Возвращаясь к моей истории. Среди нас были и те, кто хотели отправиться на шестой континент с призрачной надеждой отыскать там своих родственников, которым, возможно, посчастливилось спастись. В числе таких людей был и я, надеющийся отыскать свою жену и дочь, оставшихся в Сиднее во время Вторжения. Хоть и понимал, что встретить их живыми мне, скорее всего, не суждено (на связь они не выходили с самого первого дня Вторжения), я всё же решил отправиться в это далёкое путешествие.

Нас было чуть меньше сотни человек. Мы нашли капитана, собрали небольшую команду и отплыли в середине декабря. Через месяц наше судно приплыло к берегам Антарктиды, но столкнулось с паковыми льдами, которые чуть не погубили нас в самом конце пути. Если бы не помощь со станции «Халли», вовремя приславшей небольшой ледокол на вы-

ручку, я сейчас не рассказывал бы вам всё это, а лежал где-нибудь на дне холодного океана...

Спустя еще два месяца мне удалось добраться до австралийской «Кейси». Дорога была долгая и трудная, хотя мы использовали эти навороченные вездеходы. Хотите верьте, хотите нет, но, добравшись туда, я встретился со своей дочерью и женой.

Чудо, не правда ли? Жаль только – никто не верит, что это моя жена с дочерью, и ведь не докажешь никак! Но после этого я уверовал, что у нас, у человечества, ещё есть шанс победить в этой войне. Почему? Да потому, что только благодаря Богу я встретил свою семью. Только Он на это способен. А это значит, что Он существует и обязательно поможет нам в борьбе с этими тварями.

Глава 1. Восточники

17 июля 2054 года на русской антарктической станции «Восток» было зарегистрировано историческое понижение температуры до $-91,3^{\circ}\text{C}$. Этот новый рекорд превзошёл предыдущую отметку, зафиксированную на той же станции 21 июля 1983 года, когда температура опустилась до $-89,2^{\circ}\text{C}$. Таким образом, новый показатель оказался на 2,1 градуса ниже предыдущего. Из сообщения ТАСС от 17 июля 2054 г. в смартфоне, найденном в 2086 году в городе Магадан собирателем Лукой Бруно со станции «Палмер».

18 января 2093 года

Какое-то время теплилась надежда, что огонь забрал с собой не всё. Может, не дотянулись его жгучие лапы до какой-нибудь провизии? Но, увы. Человек сорок ходили по пепелищу, ворошили ногами мусор, да, кроме головешек с обломками, так ничего и не нашли. Хорошо ещё, Йован смог вытащить хотя бы один холодильник. Что же касается морозильной ямы, то рыба там сгорела вся, подчистую.

Причину пожара называть никто не решался. Были только догадки. Поджог исключили сразу. Какой дурак сам себя будет лишать пищи? Поэтому была выдвинута теория, что всё случилось из-за старой электропроводки, которой было

лет пятьдесят, с тех самых пор, как начали активно осваивать Антарктиду ради туризма. Туризма... Сейчас подобное воспринималось, как издевательство.

– Ну, засада... – расстроено произнёс Йован, помогая Матвею и остальным разгребать обломки. – Видать, придётся мне таки сесть на диету этой зимой.

– Да, походу всем нам придётся на неё сесть, – подхватила Арина, лениво ковыряя ногой обугленные доски. Она уже разуверилась найти что-нибудь уцелевшее.

– Матюш, нашёл чего-нибудь? – обратился Йован к Матвею, оставив её слова без внимания.

– Блин, Матвей, будь я на твоём месте и выше, как вот этот дурень, то за «Матюшу» уже б давно!.. – погрозила здоровяку Арина.

– Минуточку. У нас был спор, он мне проиграл. Стало быть, имею право так называть его ещё до конца месяца.

– Ну, хоть сейчас-то, когда... – она указала на пепелище под ногами. – Нашёл место и время!

– А не имеет значения. Хотя на краю гибели, а всё равно буду называть Матюшей до первого февраля сего года.

– Да ну тебя, придурок.

– Придурки при дураках. Или дурочках.

– Матвей! – возмутилась Арина.

Но Матвей так сильно погрузился в мысли о случившемся, что совершенно не обращал внимания на перебранку между двумя своими товарищами.

– Заканчивайте оба, – рассеянно ответил он. – Нашли чего?

– Да нечего тут искать, – отмахнулась девушка. – Слушай, Матвей, я ж к тебе утром чего шла, мне надо тебе кое-что показать...

– Матвей! – окликнул вдруг староста. – Поди сюда!

– Иду! – крикнул тот в ответ и обратился к Арине: – Чего показать?

– В общем, забеги сегодня ко мне вечером в модуль. Нужно твоё мнение.

– А моё? – встрял в разговор Йован.

– А твоё мнение мне понадобится только тогда, когда на Земле не останется ни одного живого человека, которого...

Продолжения их перепалки Матвей не услышал, поскольку направился к старосте. Вообще, он уже давно перестал воспринимать их болтовню всерьёз. Эти двое частенько ссорились, но, скорее, шутки ради, по-приятельски.

– Чего там опять эти двое бунтуют? – кивнул Олег Викторович в сторону Йована и Арины, которая была ниже своего оппонента почти на две головы.

Матвей махнул рукой в их сторону, мол, тебе ли не знать.

– Ладно, чёрт с ними. В общем, посмотрел я тут, что вам с мужиками удалось спасти, – староста снял шапку и тяжело вздохнул. – Не хватит этого на всех. Хоть в три раза урежь рацион... Будь нас человек пятьдесят, с горем пополам пережили бы зиму, но на сто тридцать три человека...

– Сто тридцать четыре, – поправил его Матвей и, встретив озадаченный взгляд собеседника, уточнил: – Француженка наша, Мишель, неделю назад двойню родила от Воронцова. Помните?

– Так это ж тогда сто тридцать пять человек должно быть, раз двойня, – почесав в затылке, неуверенно ответил Олег Викторович.

– Вы про Жору Савина забыли, который автослесарь. Он от лихорадки умер месяц назад.

– Ах, точно. Вот же... – еле сдержался староста, чтобы не выругаться. – Совсем я уже того, старый. Не помню ни черта.

– Да бросьте. Сколько вам? Шестьдесят пять же? Молодой ещё.

– Может, до Вторжения и можно было так сказать, а сейчас... – он махнул рукой. – Мозги на этом холоде как будто не с каждым годом, а с каждым часом тупеют. Ещё пару лет и окочурюсь точно. Говорю тебе, Матвей, иди на моё место.

– Мы это уже обсуждали, Олег Викторович, – недовольно произнёс Матвей, припоминая неприятный последний разговор со старостой, чуть не поссоривший их окончательно.

– Обсуждали. Но, сам посмотри, кто ещё, кроме тебя, такую ответственную должность потянет?

Матвей нарочито отвернулся от старосты, молча давая понять, что не желает вновь обсуждать эту тему. Накомандовался он уже, на всю жизнь вперёд хватило.

Благо, Олег Викторович уловил его настроение и продол-

жать не стал.

– М-да, – только и промолвил он, – что же делать-то?

Хотел бы Матвей знать ответ на этот вопрос.

Вдруг за спиной у него раздался голос:

– Мразь такая!

Обернувшись, Матвей заметил, как Алексей Свиридов, один из местных портных, тащил за шкурку Никиту, парнишку, что помогал Арине и остальным механикам в гараже. Здоровый мужик (почти под два метра ростом) стальной хваткой вцепился в куртку молодого человека и волочил его, словно мешок.

– Что случилось? – строго спросил староста и вышел вперёд.

– Вот этот вот сучоныш, пока мы тут пожар тушили, мой товар с прилавка спёр! – задыхаясь от злобы, объявил Алексей не столько Олегу Викторовичу, сколько собравшейся вокруг толпе. – Воспользовался переполохом, гнида! Ну, я тебе устрою... – он бросил обвиняемого на землю и пнул его по рёбрам.

Тут и у остальных восточников глаза загорелись, они стали стягиваться к обвиняемому с явным желанием ему наподдать.

– Так, так, отставить самосуд! Замолкли все! – закричал староста и обратился к Свиридову: – Откуда ты знаешь, что это он украл?

– Я видела! – вышла из толпы Клава, повариха. – Мы в

доме остались с дочерью, к пожару не побежали. Я в окно глядь, а он таскает всё в мешок.

Тут своё слово вставил и Алексей:

– Мне Клава сказала, и я по её наводке наведалься в гости к этому гаду. И что я вижу!? Мешок этот у него под койкой лежит, нагло присвоенный.

В качестве доказательства портной бросил на землю кожаный мешок, доверху наполненный шкурами, книгами и прочим добром.

– Это правда? – обратился староста к съёжившемуся на холодной земле Никите.

Парень тихо всхлипнул, засопел, а потом согласно кивнул.

– О! Видали? Видали?! Ну, сучоныш...

– Угомонись, Валерьевич, или я тебе сейчас сам наваляю! Разошёлся, ишь чего!

Алексей с недовольством отступил, смачно плюнув напоследок, как бы выражая свой протест.

– Зачем украл? – строго спросил Олег Викторович и присел на корточки возле парня. – Лучше признайся, хуже будет.

– Да чего хуже? Виновен! У нас с ворьём и подобными ему вредителями один разговор – на мороз! До смерти! – снова подал голос Свиридов.

– Жрать я хочу, ясно вам?! – выкрикнул Никита наседавшим на него мужикам. – Думал поехать на «Прогресс» и всё это обменять на еду! Может, и на место свободное! Лишь бы из этой дыры подальше. А после такого так и вдвойне хочу!

– Ах, ты ж, гнида, – сквозь зубы процедил Алексей. – К этим мерзавцам на поклон собрался? Забыл, что с тобой и твоими предками тамошние сотворили, выгнав тебя сюда?

– Да мы всё равно здесь все сдохнем! – на этот раз юноша расхрабрился и даже поднялся на ноги. – Теперь уж точно! Я-то видел в гараже, сколько еды удалось спасти – и на месяц всем не хватит.

На этот раз не сдержался уже Олег Викторович и отвесил мальчишке звонкую пощёчину. Наверное, только один Матвей понял, что сделал это староста не из желания утихомирить нарастающую истерику парня, а из-за упоминания станции «Прогресс», с жителями которой у него были личные счёты.

Впрочем, не у одного только Олега Викторовича скрежетами зубов от злости на обитателей «Прогресса». Почти все восточники, жившие здесь с самого начала, питали к ним ненависть.

И причины на то были.

Тридцать три года назад к берегу залива Прюдс причалил гигантский контейнеровоз, на котором прибыли полторы тысячи выживших, сумевших спастись от мерзляков. Станция «Прогресс», расположенная неподалёку, была третьей в списке из четырёх убежищ, следуя после «Новолазаревской» и «Молодёжной». Ещё оставался «Мирный» – конечная остановка в эвакуации тех, кому повезло оказаться на борту.

Так получилось, что Матвей с отцом были среди счастливи-
чиков, пять сотен которых высадили на «Прогрессе». Они
оказались везунчиками лишь потому, что станция являлась
не только научной, но и самой крупной российской туристи-
ческой базой в Антарктиде. Там стояли удобные жилые мо-
дули, ангар с десятками рабочих вездеходов и даже церковь.
Всё это обеспечивалось почти бесконечным потоком элек-
тричества от гигантских солнечных панелей и высокотехно-
логических ветряков, не издающих вредного инфразвука.

Научный центр станции, основанный ещё во времена
СССР, был гораздо скромнее по оснащению. В нём распо-
лагалось метеорологическое оборудование, лаборатории и
склады. Проживающим здесь в период Вторжения полярни-
кам повезло не стать свидетелями тех ужасов, которые про-
исходили за пределами шестого континента.

С этого дня начались долгие и самые суровые в истории
человечества десять лет, известные как годы Адаптации.

Люди тогда не умели самостоятельно добывать пищу и
ещё не привыкли к нескончаемому холоду. Они были вы-
нуждены осваивать охоту на тюленей и ловлю рыбы, ещё
недавно считавшихся эхом далёкого прошлого. Методом
проб и ошибок полярники принялись возрождать китобой-
ный промысел, изучая описания этого вида деятельности в
книгах и применяя знания выживших рыбаков и моряков.
Они изошрялись в добыче тепла, открывая для себя заново
свойства китового жира, уса и сперматета. А с помощью тю-

леньего жира, печени и овощей, выращиваемых в контейнерах-фермах, учились бороться с цингой, которая губила сотни людей.

В то нелёгкое время Матвею было всего три года, но он прекрасно помнил, как сильно голодал из-за жуткой экономии имеющихся ресурсов. Даже его отец, военный по профессии, который был прежде здоровый, как бык, после трёх месяцев Адаптации превратился в ходячий скелет.

– Кушай, сынок, тебе силы пригодятся. За тобой будущее, – приговаривал он, отдавая половину своей банки тушёнки Матвею.

– Какое будущее, пап?

Но тот не отвечал, лишь тихо улыбался. И только сейчас Матвей понимал, о каком будущем говорил его отец, когда ещё был жив.

Именно в те первые тяжёлые годы, когда проблем и без того хватало, на станции «Прогресс» появился смертельно опасный вирус. По симптомам местные узнали в нём штамм Черни, бушующей на протяжении последнего года и во время Вторжения.

Как эта зараза оказалась на территории базы, осталось загадкой. Одни ополчились на станцию «Чжуншань», находившуюся в трёхстах километрах от «Прогресса». Отец рассказывал Матвею, что ещё были живы воспоминания о COVID-19, вакцину от которого удалось разработать лишь к 2053-му году. Именно из Китая тогда пришёл вирус. Другие

говорили о заражённых съестных припасах, привезённых на контейнеровозе.

Только все эти теории и догадки не значили ровным счётом ничего для Матвея и его отца, поскольку оба они оказались в числе заражённых, как и почти половина новопривыбывших.

Те же, кого зараза ещё не коснулась, взбунтовались и толпой надели на тогдашнего старосту «Прогресса» Михаила Зотова. Чтобы предотвратить распространение болезни среди здоровых, он распорядился погрузить всех больных на вездеходы и, снабдив жалким запасом продовольствия, отправил их на карантин на одну из самых неблагоприятных станций Антарктиды – «Восток». Зотов клятвенно пообещал, что через месяц, когда по его расчётам люди на карантине съедят выделенный им запас консервов и прочего сухого пайка, он пришлёт ещё один вездеход с провизией и будет присылать их до тех пор, пока в этом будет нужда.

Переброска больных происходила в разгар зимы, когда температура на территории «Востока» не поднималась выше отметки -60°C на протяжении почти полугода. В отличие от других прибрежных русских станций, здесь было не так много сооружений и жилых модулей – база не относилась к туристическим объектам. Но для поддержания жизни было всё необходимое: ветряки, солнечные панели, ангар для техники, электростанция и очиститель воды.

Прибыв на станцию, больные, вдобавок к вирусу, столк-

нулись с новой напастью – горной болезнью. Это коварное явление вызывало тошноту, мучительную нехватку воздуха и неприятный гул в ушах, способный свести с ума даже самых стойких. Всему виной было месторасположение станции, возвышающейся, ни много ни мало, на высоте трёх с половиной километров над уровнем моря.

Испытаниям не было конца – вдобавок к горной болезни возникла проблема размещения почти двухсот человек на станции, рассчитанной лишь на шестьдесят полярников. Но все эти проблемы меркли по сравнению с тем, что готовила судьба новоиспеченным восточникам в будущем.

Больные жили в тесноте, где придётся, и страшно экономили выделенные им запасы, каждый день ожидая прибытия вездехода, обещанного Зотовым. К счастью, на станции был очиститель воды, его труба из высокопрочного материала тянулась аж до самого озера Восток. Эта труба, которую восточники ласково называют «Родничок», покрывает их потребности в воде до сих пор, позволяя избегать лишних хлопот с растопкой льда, которую на себе испытывают большинство других станций.

Минул положенный срок, но вездеход с «Прогресса» так и не появился. Тогда новоиспечённые восточники поняли, что их попросту бросили умирать, не желая тратить на них и без того скудный запас продовольствия. Не собираясь мириться с подобным, трое добровольцев вызвались отправиться к «Прогрессу» на единственном имеющемся тогда на станции

вездеходе, чтобы просить помощи. Старенький «Бурлак», хранившийся в гараже, скорее, в качестве музейного экспоната, вряд ли можно было назвать надёжным транспортным средством для преодоления непредсказуемых рельефов Антарктиды. Но выбора не было.

Не имея за плечами ни опыта, ни знаний, они отправились в путь. С тех самых пор о тройке смельчаков ничего не было слышно. Скорее всего, их сожрала Антарктида, навечно закопав под своими вековыми снегами.

Когда восточники поняли, что помощи ждать неоткуда, они стали экономить на еде ещё больше. Так, например, Матвей с отцом получали три банки тушёнки на неделю, то есть по полторы банки на человека.

Люди стали умирать один за другим: кто от Черни, кто от голода или гипоксии, а кто-то, потеряв надежду, попросту сводил счёты с жизнью.

Через месяц на станции «Восток» оставалось сто восемьдесят человек. К середине зимы их количество сократилось до ста двадцати четырёх, после чего в течение почти двух недель на станции не было зафиксировано ни одной смерти. Вирус удалось победить, иммунитет вынужденных переселенцев справился с болезнью. На какое-то время они облегчённо вздохнули, пока о себе вновь не напомнила одна из главных проблем – голод.

Восточники попытались выйти на связь с любой из ближайших станций, но их единственный радиопередатчик ока-

зался неисправен. К счастью, среди них оказался немец по имени Курт Крюгер. С его слов, он попал на борт контейнеровоза по невероятному стечению обстоятельств, о которых мужчина с превеликим удовольствием рассказал бы всем желающим, владей он русским чуточку получше. Имеющихся же знаний языка ему хватило только на сообщение, которое Матвей помнил до сих пор:

– Ихь... фикс... ремонт! Сделать ремонт! Но время нужно. Много время. Разобраться.

Курт не соврал, он, и правда, что-то смыслил в технике. Не обманул и в том, что ему понадобится время: его поверхностных знаний о радиоприемниках не хватало для скорейшей починки подобного устройства. С его слов, прежде он имел дело только со смартфонами.

Немец превратился для всех в ниточку последней надежды. Люди полностью положились на него, и он чувствовал на себе эту тяжёлую ношу ответственности, ковыряясь в довольно устаревшем радиопередатчике.

Шли дни, недели. Связь не удавалось восстановить, а остатки еды таяли на глазах. Смерть косила всех без разбору, из-за чего стали возникать грабежи и убийства ради заветной консервной банки. Самым же страшным стали случаи каннибализма, когда дело дошло до похищения тел умерших, сложенных кучей на окраине станции. Трупоеды, если им не удавалось забрать тело целиком, распиливали зачоченевшие останки и грузили их в тачки, чтобы потом разморозить в

помещении. Сперва это порицалось, даже наказывалось. Однако, со временем, и сами порицающие перешли на сторону каннибалов, не в силах далее терпеть тягучую голодную боль.

Одним из таких перебежчиков оказался и отец Матвея, скармливавший ничего тогда не подозревающему маленькому сыну хорошо прожаренное мясо, якобы взятое из «секретных запасов» станции. Вспоминая сейчас поступок отца, Матвей каждый раз съёживался от омерзения, но, с другой стороны, понимал и принимал его нелёгкий выбор. Поедание человечины было неизбежно в сложившейся ситуации, о чём пережившие те страшные времена восточники стараются не вспоминать.

Целый месяц сотня человек была вынуждена есть себе подобных, и всё равно люди продолжали умирать от голода, пока в одно холодное утро всех не разбудил хриплый голос Курта, орущего с тяжёлым акцентом:

– Починить! Рация! Голос! Там голос!

На связи была станция «Мирный», немедленно отправившая санно-гусеничный поезд к «Востоку» с необходимым продовольствием на борту. Прибывшие через неделю мирняки (так их зовут и поныне), с сожалением сообщили, что не могут забрать выживших на свою станцию за неимением у них достаточного количества мест. С их слов, они и так испытывают жуткие неудобства, но, тем не менее, готовы поделиться частью остальных припасов в конце зимы. Тогда по-

года будет более благоприятной, и они смогут отыскать путь вдоль торосистости, стоящей между двумя станциями.

До прихода мирняков дожило всего восемьдесят четыре человека. Им пришлось смириться с тем, что дальнейшая их судьба тесно связана со станцией «Восток». Предстояло много работы по её улучшению и развитию, что в итоге заняло долгие годы.

Как известно, время лечит, но только не в случае отношения восточников к прогрессистам. До сих пор жива боль утраты близких, погибших из-за изгнания и пустого обещания помочь. Никуда не делись и воспоминания о страшных делах, которые приходилось совершать во имя выживания.

Олегу Викторовичу, чья жена и двое детишек погибли ещё в первый месяц карантина, устроенного прогрессистами, не понадобилось и минуты на размышления, чтобы вынести вердикт:

– К прогрессистам, значит, собрался? – он схватил парня за шкурку и, как щенка, подволок к зданию, ещё вчера бывшему складом. – Вот, тебе в ту сторону. Тысячу двести километров. Пошёл!

Никита с замёрзшими на щеках слезами с непониманием посмотрел на старосту.

– Верно! – поддержал решение Олега Викторовича Алексей. – На мороз гниду! Будет знать, как воровать у своих!

Толпа улюлюкала и грозно поднимала вверх кулаки в едином порыве изгнать парня. Вдруг вперёд выбежала Арина,

встав между старостой и обвиняемым.

– Да вы чего? Совсем с ума сошли?! – протестующе завопила она. – Как же так можно?

– А воровать у тебя из тарелки последний кусок мяса и отбирать честно заработанные ватты для сугреву, стало быть, можно?! – закричал в ответ Алексей.

– Арина, уйди, – сквозь зубы процедил староста. – Не до тебя. Ей-богу, не до тебя.

– Да пошли вы все! – заорал Никита, за что получил хороший такой подзатыльник уже от Арины.

– Закройся! – прошипела она на него и обратилась к толпе: – Он плохо поступил, это правда. Но такой участи уж точно не заслужил!

– Не тебе решать, какой участи он заслуживает, ясно? – рывкнул Олег Викторович, потом сделал к ней шаг и прошептал: – Ступай отсюда по-хорошему, девочка, иначе я тебе потом не помогу, ясно? Ты сейчас их злишь, а не меня, – он кивнул в сторону толпы.

Но Арина сдаваться не желала и обратилась к Матвею, который всё это время был в роли наблюдателя:

– Матвей, прошу. Скажи что-нибудь. Так нельзя.

Тот взглянул на покрасневшего от злости Никиту, зыркающего ненавистным взглядом на собравшихся. Слишком уж он шепутной, с ним не оберёшься проблем. Но всё же Арина была права: несоизмеримо наказание с опрометчивым проступком, сделанным по глупости.

– Есть у меня идея, – начал Матвей привычным спокойным голосом. – Предлагаю упразднить утреннюю разнарядку по выносу вёдер с дерьмом, и поставить на эту почётную должность одного-единственного человека – нашего виновного.

Глаза Никиты сделались большими. Он открыл было рот, чтобы возразить, но Арина предупредительно ткнула ему в бок, заставив промолчать.

– Но решение всё равно остаётся за старостой. Ему решать, – закончил свою речь Матвей.

Толпа не возмутилась и, судя по тишине, встретила эту идею положительно. Убирать отходы за жителями станции и сбрасывать их в находившуюся неподалёку расщелину, было занятием крайне неблагодарным и мерзким. Избавиться от подобной необходимости было только за счастье. Даже Алексей, прежде желающий прикончить вора на месте без всякого изгнания, не изрёк ни слова против.

Уловив настроение толпы, Олег Викторович, как и все, счёл предложение Матвея хорошим и справедливым.

– Согласен, – ответил он и обратился к окружающим: – Возражения против подобного приговора будут?

Возражений не последовало.

– Вот и отлично, – староста обернулся к Никите: – Теперь до конца жизни будешь выносить дерьмо. Ясно тебе?

– Чёрта с два я буду!

– Ох, ещё как будешь, малой. А если я утром проснусь и

хоть единое ведёрко увижу в коридоре или на улице – голышом у меня пойдёшь к прогрессистам. Всю тысячу двести километров. Понятно?

Мальчишку буквально трясло от злости, но он сжал губы и промолчал.

– Вот и всё. Благодарю Аринку и Матвея. Если б не они...

Олег Викторович поднёс кулак к носу парня и грубо провёл костяшками по его щеке.

– Пшёл отсюда, – гаркнул староста. – И рожу попроще сделай, а то напыжился мне тут, сопля зелёная.

Арина увела за собой Никиту от греха подальше. Проходя мимо Матвея, она кивнула ему в знак благодарности.

– Вот тебе и новое поколение, – пожаловался староста подошедшему к нему Матвею. – Не испытали они, как мы, Адаптацию, не мучились от голода...

– Это он из-за отца, – пояснил Матвей, провожая взглядом Арину с Никитой. – Савин Жора, лихорадка...

– Точно, – виновато произнёс Олег Викторович. – Но это не повод на братьев и сестёр ополчиться! Чай, не на тёпленьком полуострове родился! А теперь, вот глянь на них, ломаются к людям, которые их родителей, считай, голодом морили. Можешь себе такое представить? А, к чёрту! – отмахнулся он. – Сейчас это не первоочередная проблема. Думать надо, как из сложившегося положения нам выходить. Иначе всё, что было тридцать три года назад, может повториться. Вот что, сегодня в полдень я хочу собрать всех в зале, решать

что-то будем. Ты придёшь?

– Приду, – не мешкая, ответил Матвей.

– Это хорошо. А то я что-то совсем ни черта уже не сообщаю. Мне нужна свежая голова. Твоя голова.

Староста сегодня уже дважды намекнул ему о своём желании сбросить с плеч тяжкий груз ответственности за жителей станции.

– Эх, – раздосадованно вздохнул Олег Викторович. – Жаль, с нами нет твоего отца. Мне бы не помешал его совет.

Но Матвей не ответил, поскольку в гуще расходившейся толпы он совершенно случайно заметил её. Одета в парку из тюленьей кожи, с плотным капюшоном на голове, она смотрела на него своими большими, преисполненными тоской глазами. Светлый локон её волос трепетал на холодном ветру, а бледная кожа почти сливалась с вездесущим снегом.

Сердце у Матвея заколотилось в два раза быстрее. Его сковал ужас и опустошающее чувство стыда. Видеть её даже спустя столько времени оказалось не так просто, как он представлял.

– Ох, ты, – заметив, куда именно смотрит Матвей, смутился староста. – Смотри, кто на свет белый явился. Неужто вышла, наконец-то, из заточения? Пойду-ка я, поговорю с ней...

Увидев, что к ней направляется староста, женщина вдруг замешкалась, спрятала руки в глубоких карманах куртки и быстрым шагом ушла прочь.

– Да куда же ты!? – прошипел про себя Олег Викторович. – Ну, хоть вышла, и слава Богу! Сидеть взаперти столько времени и на свет божий не показываться... и это перед зимой-то, когда скоро наружу ни ногой!

Однако всё сказанное старостой пролетело у Матвея мимо ушей. Подобно наваждению, перед глазами стояло её лицо, омрачённое страшным горем, к которому он лично был причастен. Он и никто больше.

– Матвей! – окликнул его староста, тряхнув за плечо. – Ты тут?

Парень ответил ему кивком.

– Ты это... обойдётся всё, хорошо? Не твоя вина, что тогда произошло с её сыном. Не твоя.

Матвей промолчал.

– Не твоя, – ещё раз повторил Олег Викторович, только прозвучало это, скорее, как самоутешение, нежели правда.

Глава 2. Разные поколения

Идея устраивать рейды и вылазки на захваченные мерзляками континенты принадлежала русскому полярнику Ивану Дежнёву со станции «Беллинсгаузен». Будучи опытным метеорологом и талантливым инженером, он изобрёл первую модель ныне всем известного метеодатчика. Затем, собрав небольшую группу, Дежнёв отправился в экспедицию к южным берегам Аргентины с целью провести полевые тесты своего изобретения.

С момента высадки на берег, в течение следующих двадцати четырёх дней, ему успешно удавалось избегать встречи с мерзляками. Он заранее планировал маршруты передвижения, исходя из полученных данных метеодатчика. Совсем скоро новость о его подвиге и изобретении облетела все станции, породив тем самым ремесло собирателей.

«История великих собирателей» за авторством Павла Самсонова, 2163 год.

18 января 2093 года

Собрание, длившееся без малого четыре часа, провели в здании лаборатории, которое не использовалось по назначению уже много лет.

Матвей страшно не любил участвовать в подобного рода сборищах, чувствуя себя при этом не в своей тарелке, но делать было нечего. Да и Олегу Викторовичу, как никак, обещал помочь в решении вопроса. Правда, этого самого решения после многочисленных споров и предложений найти так и не удалось.

Сперва староста предложил идею обмена ваттами на еду с соседними «Чжуншань» и «Мирный», тем самым пожертвовав часами отопления жилых модулей. Предложение было немедленно встречено в штыки, поскольку не все были готовы предстоящей зимой мёрзнуть в своих модулях, особенно на самой холодной станции Антарктиды.

Более того, за минувшее лето они уже выкупили предостаточно рыбы и тюленьего мяса у «Мирного» – тем и самим нужно было запастись продовольствием на предстоящую зиму. Что же касалось китайского «Чжуншаня», известного своими первоклассными механиками и изобретателями, у них самих ватт и без того было предостаточно. К тому же китайцы предоставляли свои услуги и тесно сотрудничали с австралийцами из «Моусона», которые входят в список главных поставщиков ватт по всей Антарктиде. Станция «Моусон» находится на побережье в одном из самых ветреных мест континента, где сотни ветряков работают двадцать четыре часа в сутки. Следовательно, в электричестве китайцы несильно нуждаются.

Ещё до того момента, пока предложение с обменом ватт

не было отвергнуто окончательно, перед собравшимися выступил Сэм, единственный американец на станции и по совместительству главный связист. За прошедшие двадцать лет на «Востоке» он успел как следует породниться с местными, безупречно овладеть русским (лишь совсем изредка в его речи проскальзывало твёрдое «вэ» вместо буквы «т») и стать полноправным восточником.

Сэм предложил связаться с американцами со станции «Мак-Мердо», бывшей почти на таком же расстоянии от «Востока», как и «Мирный», и взять у них необходимое количество еды в долг, заплатив немного ватт в качестве аванса. «Мак-Мердо», что до Вторжения, то и поныне, оставалась самой огромной станцией в Антарктиде, вмещающей в себя почти десять тысяч выживших.

Услышав предложение Сэма, Олег Викторович отверг его сразу:

– Слышал я про макмердовцев и их «взять в долг», Матвей вон не даст соврать. Про «Кейси» слышал? Австралийская станция не так далеко отсюда. У них пять лет назад возникла обратная ситуация: не хватало ватт зиму пережить. Вот они и обратились к «Мак-Мердо», взяли у них энергии «в долг». До сих пор расплачиваются с ними, отдавая каждый год чуть ли не половину всего улова, страшно при этом не доедая. Я, конечно, старост «Мак-Мердо» не осуждаю: когда на станции десять тысяч рыл и каждое надо кормить, не говоря уже о других нуждах, и не такой процент стряхнёшь. Но сам лич-

но в такое ввязываться не хочу. Да и, в отличие от «Кейси» с их богатым уловом, нам с макмердовцами расплачиваться нечем. Не в обиду твоему народу, Сэм, но что есть, то есть.

С доводами Олега Викторовича согласились все, даже Сэм, сообщив, что предложение это сделал, скорее, на горячую голову.

Поднимались предложения об обмене воды, но они не выходили за рамки обсуждений. За прошедшие годы все приспособились к добыче воды из ледников, хотя работа была тяжёлой и опасной. Целыми днями приходилось на холоде колоть лёд и перевозить его в отстойники для оттаивания.

Конечно, восточникам повезло с их «Родничком», который давал им не только очищенную, но и древнейшую воду Земли. В теории, продать такую воду соседним станциям было возможно. Однако это может лишить работы сотни людей, а человек без достаточного количества ватт, тепла и горячей еды становится проблемой для руководства станции. Особенно если он решит добыть необходимое, забрав чью-то жизнь. Старосты понимали это и покупали воду у восточников только в случае крайней нужды, которая, похоже, не возникнет в этом году.

Полшестого Олег Викторович сообщил об окончании собрания и тут же объявил о повторной встрече через несколько дней, пообещав подумать над всеми предложениями как следует.

– Жаль только, думать здесь не о чем, – с огорчением объ-

яснил староста, когда остался с Матвеем наедине. – Это я так, людей успокоить, чтоб надежда у них была. На самом деле, попали мы по самое не хочу, – он сел на свободный стул и задумчиво почесал голову. – Неужели и впрямь к макмердовцам придётся идти и просить в долг?

– Ты же этого не хотел.

– И не хочу, – ответил он сразу же, – да только вот иного пути не вижу, как эту зиму пережить. Вот же, черти его побрали, пожар этот! Ладно... подумаем ещё. Есть у нас время.

Вечером Матвей, как и обещал, отправился к Арине. Её жилой блок стоял в северной части станции, соединяясь со старым зимовочным комплексом и остальными жилыми блоками общим коридором. Новичок, внезапно оказавшийся в этой веренице коридоров, мог бы с лёгкостью там заплутать.

Поскольку Матвей жил в противоположной, южной части «Востока», ему понадобилось пройти около трёхсот метров по улице. В летний период времени холод снаружи был терпим, если одеваться как надо. Зимой же, когда температура опускалась до минус шестидесяти и ниже, модуль разрешалось покидать только в случае крайней необходимости и отсутствия бури. Правда, если и решишься на такое, пеняй на себя...

Проходя мимо медблока южного комплекса, Матвей вспомнил случай, как три года назад, во время очередной зимовки, однажды утром они не досчитались одного юноши.

Звали его Толей и было ему всего тринадцать лет. Он везде лез на рожон, любил себя показать, одним словом, суетной. Всю станцию на уши поставил своими поисками. Связались с остальными комплексами: северным, восточным, западным – нет у них Толи (на зиму все они обыкновенно делились на четыре группы и поддерживали связь только по радиии, дабы лишний раз не выходить наружу).

На следующий день двое ребят, одногодки Толи, со следами на глазах признались, что поспорили с ним на тысячу ватт. Парнишка заявлял, что дойдёт до западных блоков в разразившуюся в ту ночь пургу. Здесь-то всё и стало понятно. Поиски немедленно прекратили.

Толю нашли только через четыре месяца, когда наступило лето. Его окоченевший труп лежал у медблока южного комплекса. Парень, собственно, не то чтобы до западных блоков не дошёл, он и территорию родного не покинул.

Казалось бы, горе, да вот только дурака хоть и было жалко, да не сильно. Тысячу раз ему говорили... Зато смерть Толи преподала наглядный урок остальной молодёжи, а Олег Викторович с тех пор ввёл строгое правило: покидать станцию только с разрешения старшего по комплексу, назначенного на зимовку.

Погрузившись в мысли, Матвей и не заметил, как оказался возле главного входа в северную сеть модулей, стоящих на прочных гидравлических опорах, которые поднимали или опускали в зависимости от количества выпавше-

го снега. Он поднялся по лестнице, открыл тяжёлую, воздухо-непроницаемую дверь, оказался в прохладном тамбуре с внутренней дверью. Открыв ее и заперев как следует, он оказался в «кишке».

«Кишкой» называли соединяющий жилые блоки коридор, в целях экономии не отапливали, полагаясь только на тепло так называемой каменной ватой⁶, которой были обшиты стенки модуля изнутри. Лет тридцать назад они, возможно, и грели, как надо, но с каждым годом делали это всё хуже. От постоянного холода спасало только радиаторное отопление внутри жилых помещений.

Через несколько минут Матвей добрался до двери нужного ему отсека модуля и громко постучал, уже заранее настраиваясь на то, что простоят у порога ещё секунд тридцать, прежде чем ему откроют. А виной всему была рассеянность жительницы этого отсека. Много раз уже замечал, как Арина настолько сильно погружалась в свои мыслительные процессы, что ему для привлечения внимания приходилось окликать её раза три.

Наконец, дверь открылась, и девушка встретила его, как всегда, с улыбкой до ушей и взъерошенной копной каштановых волос.

– Матвей! Ну, наконец, пришёл. Чего так долго? Давай, проходи.

⁶ **Каменная вата**— теплоизоляционный материал на основе высококачественного волокна из природных минералов.

Он уже и не жаловался на долгое нахождение в прохладной кишке. Чего толку, всё равно не исправится.

– Чай будешь? Я тут у какого-то китайца приезжего на днях прикупила травки... Сто ватт за триста граммов содрал, гад, но зато, благодаря этому зелью, я бодрячком с самого утра!

– Оно и заметно, – хмыкнул Матвей. – Ты вообще спишь?

– Ну, бывает... – её красные глаза говорили об обратном. – Так ты будешь чай, нет?

– Ну, давай, если предлагаешь.

Она было дёрнулась в сторону кухни, но вдруг замерла и заявила:

– А, вообще, давай чай на потом отложим. У меня уже руки чешутся тебе показать.

У Арины энергия была ключом. Ещё секунда, и она чуть ли не в пляс пустится.

– Показывай уже, – согласился Матвей и вошёл в крохотную комнатку, являющуюся по совместительству целой мастерской.

Каких только приблуд не таила в себе так называемая «каморка» Арины: старые ноутбуки, смартфоны, экраны телевизоров, детали ваттбраслетов и прочей техники. На стенах висели инструменты, половину из которых Матвей видел впервые, а вот хозяйка этого «богатства» могла назвать каждый и подробно расписать способы его применения.

Впервые вошедший сюда человек непременно сказал бы,

что большая часть наваленного здесь – бесполезный хлам, на что Матвей обязательно ответил бы: только не в руках Арины Крюгер.

– Сюда, – с отчётливым нетерпением произнесла девушка, подзывая его к столу. – Узнаёшь?

На её рабочем столе лежал обыкновенный с виду метеодатчик: шест с блоком сенсоров на конце. Без этого устройства ни один собиратель не смел соваться на захваченные континенты, если, конечно, не хотел повстречаться с мерзляками.

– Наверное, глупо было спрашивать тебя об этом, – поджав губы, ответила на свой же вопрос Арина. – Учитывая твоё... Ну, ты знаешь, прошлое.

Матвей улыбнулся и согласно кивнул. Несмотря на их довольно большую разницу в возрасте в восемнадцать лет, общаться с Ариной ему было легко. Девушка имела не по годам острый ум, однако у неё то и дело проскальзывали ещё вполне ребяческие черты.

– Это один из моих старых метеодатчиков, – подметил Матвей и тут же задался вопросом: – Погоди, а где ты его достала?

– Эм... Да, в общем-то, я одолжила его со склада...

– Под «одолжить» ты имеешь в виду?..

– Да, да, я его спёрла, – призналась Арина. – Олег Викторович ни за что не дал бы его мне. Сам знаешь, начнёт опять думать, что я ерундой балуюсь, только технику ломаю. По-

этому и взяла... Да и валялся он там без дела!

– Ну, хорошо, давай я представлю, что передо мной не тот самый датчик со склада...

– Который, между прочим, я спасла, учитывая наше утреннее происшествие! – гордо заявила девушка, выпятив подбородок. – Но мы не об этом. Гляди сюда...

Она нажала на маленькую кнопку датчика и подсоединила к нему через кабель планшет. Через несколько секунд на экране планшета появилась синоптическая карта, охватывающая лесистую местность радиусом в пятьсот километров, должно быть, где-то в Сибири.

– Это карта для теста. Посмотри, она выглядела бы так же, будь ты на вылазке? Хочу быть уверенной, что нигде не напортачила во время перепрошивки.

Матвей взял планшет и всмотрелся в картинку на экране. Приблизительное направление ветра отображалось на карте стрелками, границы холодных и теплых фронтов были указаны синими и красными линиями, а области низкой и высокой температур окрашены в соответствующие оттенки фиолетового и оранжевого. Отмечены были и самые неприятные явления, такие, как адвекция⁷, изображённая в виде дрейфующего кружочка с тёплой воздушной массой внутри. Не

⁷ **Адвекция** – в метеорологии перемещение воздуха в горизонтальном направлении и перенос вместе с ним его свойств: температуры, влажности и других. В этом смысле говорят, например, об адвекции тепла и холода. Адвекция холодных и тёплых, сухих и влажных воздушных масс играет важную роль в метеорологических процессах и тем самым влияет на состояние погоды.

одну жизнь унесла адвекция своим внезапным, тяжело прогнозируемым появлением, поскольку обыкновенно вместе с горячим воздухом приносила с собой и кучу мерзляков.

– Так, и?.. – поинтересовался Матвей.

– Гляди, – Арина коснулась планшета, сузила радиус до пяти километров и, выведя сбоку панель интерфейса, нажала на значок с изображением жучка. Через секунду в разных областях карты появились красные мигающие точки. Матвей успел насчитать пятнадцать.

– Что это?

– Мерзляки.

Матвей с нескрываемым удивлением посмотрел на довольное лицо девушки.

– Хочешь сказать?..

– Да, мне удалось вывести на панель не только данные о погоде, но и местонахождение мерзляков в настоящем времени, – Аришка прямо сияла от счастья. – Ну, естественно, не рядом с нашей станцией, если ты вдруг не понял. А теперь спроси меня, как я это сделала.

– Как, чертовка, ты это сделала? – Матвей и впрямь был удивлён увиденным.

– Да так, всего лишь установила датчики вибрации внутри шеста. Правда, много времени убила на их настройку, калибровку чувствительности... Ну, знаешь, чтобы датчик не брал в расчёт шаги крупного зверя вместо наших инопланетных гостей. Какого-нибудь там медведя, например. Но, чест-

но признаюсь, до идеала эта разработка ещё не дотягивает. Помимо того, что радиус ничтожно маленький, её необходимо испытать в полевых условиях, — девушка раздосадованно вздохнула. — Жаль, я не успела закончить этот прототип до ухода наших ребят.

— Да, жаль, — согласился Матвей, вспоминая команду восточников-собирателей, ушедших ещё в ноябре. — Но ничто не мешает тебе поработать над улучшением прототипа и отдать его им в следующий сезон.

— Пожалуй, — с грустью согласилась Аришка, отключив планшет, — если, конечно, мы доживём до следующего сезона.

— Выше нос. Мы справимся, — постарался утешить её Матвей, но встреченная им скептическая улыбка собеседницы дала понять, как слабо она верила в его слова.

— Отец гордился бы тобой, — поспешил добавить он, решив не затрагивать тему назревающего голода, нависшего над станцией, словно гигантская смертельная туча. — Помню, как ты ещё совсем маленькой торчала с ним в этой мастерской целыми днями.

— Скорее, мозолила глаза, — к счастью для Матвея, поддержала разговор Арина, осматривая кабинет. — И пыталась глупыми вопросами про его инструменты и проекты. Помню, как он делал этот терпеливый вздох... — она попыталась изобразить его. — Обращивался ко мне с милой улыбкой на лице и спокойно отвечал на любой, даже самый идиотский

вопрос.

— Курт отличался невероятным терпением, — согласился с ней Матвей. — Я ещё мальчишкой помню, как он, несмотря на происходящее вокруг безумие, ковырялся в этом радиопередатчике и тихонько насвистывал весёлый мотивчик.

— Да, — мечтательно произнесла девушка, поглядывая на стену, — я скучаю по нему.

В её глазах блеснули слезы, но она поспешила их вытереть, и едва Матвей открыл рот, резко спросила его:

— И всё же, Матвей, что с нами будет? Как мы решим проблему голода? Честно говоря, услышанное сегодня на собрании не вселяет надежды.

— Я не знаю, Арин, — честно признался Матвей, понутив взгляд. — Олег назначил следующее совещание через пару дней...

— Но и оно будет без толку?

Он кивнул, согласившись с её догадкой.

— Знаешь... — девушка осмотрелась по сторонам, будто убеждаясь, что их никто не подслушивает. — Я сейчас, возможно, скажу нечто провокационное и, по негласным законам «Востока», даже неправильное, но пускай это останется между нами, хорошо?

Матвею её слова показались слегка оскорбительными. Как она вообще могла усомниться в его преданности? Он знает её вот уже семнадцать лет, с тех самых пор, как их отцы стали закадычными друзьями. Помнит, как ещё юношей впер-

вые взял её на руки и почувствовал невероятный груз ответственности за эту маленькую кроху, завёрнутую в старые тряпки и шкуры. Матвей и сам не знал, почему.

Потом она стала расти на его глазах. Он приносил ей разные игрушки с захваченных земель, которые удавалось достать во время вылазок. А когда девочка подросла, делился с ней историями о тех далёких землях, где когда-то жили их родители. Рассказывал, что там нет снега, а вокруг сплошная зелень и такие большие продолговатые штуки, которые зовутся деревьями. Тогда ещё маленькая Аринка ему не верила, хоть и с удовольствием слушала его истории.

Когда девочке исполнилось три года, её мама умерла от тифа. Матвей очень хорошо помнил, как Курт Крюгер тяжело переживал потерю супруги, ища утешения в этой самой мастерской, ремонтируя всякие приспособления. Но со временем, не то сильный характер, не то ответственность за маленькую дочь дали ему силы справиться с горем. Через несколько лет мужчина выглядел так, будто в его семье и не произошло никакой трагедии.

Два года назад от рака скончался и сам Курт, оставив после себя лишь жилой модуль с мастерской и знания, что успел вложить в талантливую голову дочери. Тогда-то Матвей в полной мере примерил на себя роль старшего брата, взяв опеку над уже достаточно взрослой девочкой.

За это время Арина успела стать для него самой настоящей сестрёнкой. Порой настырной, грубой, но, несмотря ни

на что, крайне им любимой.

– Буду молчать, как рыба, – спокойно, хоть и немного за-
детый, ответил он.

Арина подошла к рабочему столу, облокотилась на него и, задумчиво побарабанив пальцами по одному из ноутбуков, произнесла:

– Это насчёт Никиты.

– Вот как, – удивился Матвей. – Наш утренний воришка.

– Да, он поступил чертовски глупо, но знаешь... – она осеклась. – Ох, за такие слова я вполне могла бы пойти убирать дерьмо с ним на пару. В общем, чёрт с ним... Знаешь, он ведь отчасти прав.

Матвей дал ей несколько секунд в надежде услышать, что она так пошутила. Этого не произошло.

– Ты серьёзно?

– Блин, да, Матвей. Ведь его можно понять! Мы и до этого голодали, а теперь так и вовсе снег без соли доедать будем! Зима на носу, а проблема с едой, судя по сегодняшнему собранию, точно не решится к сроку. И только не говори мне, что ты и сам этого не заметил. Короче, если и дальше так продолжится, нам точно всем... – её так и распирало закончить предложение бранью.

– Не сквернословь, – опередил её Матвей.

– Да, хорошо, хорошо, – девушка заходила взад-вперёд по мастерской со спрятанными за спиной руками, явно пытаясь унять свою внезапно нахлынувшую вспыльчивость.

– И что ты хочешь мне сказать этим? – спокойным тоном произнёс Матвей, наблюдая за ней.

Она остановилась, тяжело выдохнула и сказала:

– Почему бы нам не обратиться за помощью к прогрессистам?

Матвей долго смотрел на неё не в силах даже рта открыть. Ему вдруг вспомнились слова Олега Викторовича, произнесённые сегодня утром про новое поколение.

– Исключено. Мы не можем...

– Почему не можем? Ведь мы даже не поднимали этот вопрос на собрании!

– Никто не поддержал бы подобное.

– Естественно, не поддержал бы, ведь у нас на станции любое упоминание прогрессистов не как врага или последней мрази карается смертельным изгнанием. Вот и попробуй после этого хоть пискнуть о них.

– Потому что прогрессисты – наши враги, Арин! Неужели отец с матерью не рассказывали тебе, через что нам пришлось пройти?

– Разумеется, рассказывали, – стыдливо опустив голову, ответила девушка. Однако, снова набравшись храбрости, продолжила: – Но это было тридцать лет назад. Неужели не пора перевернуть эту страницу и начать с ними хотя бы вести диалог? Кто знает, может, они согласятся нам помочь?!

– Все, кому они помогают, – это только самим себе. Им не было дела до нас тогда, тем более не будет и сейчас.

– Ты этого не знаешь наверняка.

– Знаю.

– И что тогда? Будем умирать с голоду, но с гордо поднятой головой?!

– Мы найдём решение.

– Какое? Ты прекрасно знаешь, что...

– Мы найдём решение! – на этот раз крикнул он, заставив Арину вздрогнуть от неожиданности.

Завидев перепуганное лицо своей хоть не родной, но всё же сестры, Матвей осознал, что погорячился, и попытался разрядить обстановку:

– Извини, что повысил голос, – почти шёпотом проговорил он. – Просто...

«Просто ты не представляешь, через какие муки голода я прошёл, милая моя Арина, – хотелось ответить ему, – и на что мне пришлось пойти ради выживания тогда, когда мне было всего четыре года».

– Просто... что? – спросила она.

Матвей выдохнул и отмахнулся, так и не решившись выразить всё это вслух.

– Неважно, – ответил он.

Несколько минут они стояли молча, ожидая, когда у обоих с плеч спадёт это неприятное, душащее их напряжение.

– Ты прав, – кивнула, в конце концов, Арина, накрывая метеодатчик тканевым брезентом. – Зря я подняла эту тему. Мне не стоило... – они встретились взглядами, и она улыба-

нулась ему уголком рта. – Вот что, давай-ка, я всё же заварю нам тот китайский чай. Как тебе такое предложение?

– Идёт, – согласился он.

Девушка прошла мимо него и ласково коснулась его плеча.

– И спасибо тебе, – вдруг тихо произнесла она. – За Никиту.

– А что, он тебе нравится? – Матвей ощутил неприятный приступ ревности, однако эмоции, которые он испытывал, больше походили на заботливую опеку отца, нежели страсть влюблённого человека.

– Заморозь мои щеки, нет, – хихикнула Арина. – Скорее, приятель, с которым мы пару раз болтали.

Приятель... Матвей до сих пор не мог понять, что на него нашло? Раньше он без стеснения отправил бы этого «приятеля» на мороз за содеянное, но теперь не решился. Не то жалость Арины надавила, не то что-то другое...

Странно всё это.

– Знаешь, ты изменился, – вдруг сообщила Арина, словно прочитав его мысли. – После случившегося... Я всё хотела тебе сказать это, но никак не решалась.

– Вот как? – удивился он после долгого молчания. – Надеюсь, в лучшую сторону? – добавил с натянутой улыбкой.

– Если твою постоянную угрюмость и замкнутость можно отнести к положительным чертам твоего преображения, то я, пожалуй, буду первой, кто возразит, что это не так.

Матвею нравилось, как Арина порой с лёгкостью и даже некоторой беззаботностью могла говорить на серьёзные темы, при этом не убавляя значимости собственных слов.

— Мы могли бы поговорить с тобой об этом. О том, что произошло... — произнесла она медленно, взвешивая каждое слово. — Может, это помогло бы...

— Ты, кажется, говорила что-то насчёт чая? — с толикой грубости прервал её Матвей, не желая продолжать этот разговор.

К счастью, Арина всё поняла.

— Да, через минуту будет готово.

Вечером Матвей вернулся в свой модуль и успел пожалеть о чашке выпитого китайского чая. Мало того, что напиток был вкусный и своим травяным запахом мысленно возвращал на тёплый континент, так он ещё, зараза, и впрямь, бодрил похлеще всякой звонкой пощёчины. И как он ни старался устроиться в койке, закрыв ставнями все окна от яркого полярного солнца, глаз ему так и не удалось сомкнуть.

Часов в одиннадцать вечера, устав бороться с бессонницей, Матвей принялся за чтение. Благо в период его с отцом собирательной деятельности у них накопилась обширная библиотека, вмещающая в себя как художественную, так и прикладную литературу.

Прежде ему казалось это бессмысленным занятием, пока однажды отец во время очередной из вылазок не сказал:

— Вот тебе важный совет, сын. Считай, это даже не совет,

а строгое правило: при каждой вылазке обязательно прихватывай с собой книжонку-другую. Неважно, какую: художественную, научную... Написанное в них позволит тебе лучше узнать старую землю до Вторжения. Понять, как тогда жили люди, и где они хранили те или иные вещи. А ещё, что немаловажно, это поможет тебе помнить, как люди должны жить, а не выживать. Это понятно?

— Да, пап.

— Время от времени мы должны стирать грань между жизнью и выживанием, иначе так и свихнуться можно. Запомни это и вбей себе в голову как следует, понял?

— Да, пап.

— Вот и хорошо.

Отец оказался прав, это, и правда, помогало: читая выдуманные истории, у Матвея иногда появлялась надежда, что всё это когда-нибудь закончится, мерзляки сдохнут, а человечество начнёт жить заново. Увы, с каждым годом надежда на подобный исход становилась для Матвея всё менее осязаемой.

От размышлений его отвлёк стук в дверь. Матвей нехотя поднялся с кресла и открыл замок. В коридоре его встретил Сэм, укутанный в старую куртку.

— Привет, Сэм. Заходи...

— Привет. Благодарю тебя, но я только на минутку.

— Что случилось?

— Со мной около часа назад связались по рации, спраши-

вали, остались ли на станции собиратели. Я сначала сказал нет, наши-то уже два месяца как на вылазке, а потом вспомнил про тебя и... в общем-то, вот.

– Кто связался? Какая станция?

– Они не назвались. Просто спросили, есть ли собиратели, – затем, почесав за ухом, он добавил: – Странно, да? Зачем им собиратели, когда окончание сезона на носу?

– И что ты им ответил?

– Только назвал им твоё имя и, вроде как, дал обещание, что ты с ними свяжешься завтра в десять утра. Это всё.

– Ясно. В таком случае можешь связаться с ними завтра сам и ответить, что я больше этим не занимаюсь.

– Как скажешь!

– И ещё, Сэм... Постарайся не распространяться насчёт имён в следующий раз.

– Да, согласен, – виновато опустив взгляд, ответил американец. – Просто этот тип был так настойчив... Ладно, не буду тебя больше беспокоить. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – кивнул ему Матвей и закрыл дверь.

Жаль только, что ночь эта оказалась вовсе не спокойной. Когда Матвею, наконец, удалось заснуть, его тут же окутали кошмары.

В них он снова видел, как мерзляки разрывают его ребят на части, одного за другим. И он ничего не может с этим поделать.

Совсем ничего.

Глава 3. Чужаки

Кто бы мог подумать, что оставшиеся в прошлом способности шить одежду из шкуры животных вновь станут актуальны? До чего причудливо наблюдать, как синтетические куртки постепенно сменяются паркой из тюленьей шкуры, а нейлоновую обувь вытесняют унты с прокладкой из пингвиньего меха. Исчезают стальные иглы – их место занимают маленькие косточки птиц и китовый ус. Ничто не пропадает даром.

Зная, что ещё тридцать лет назад во всём мире полностью запретили использовать шкуры и мех животных в качестве материала для одежды, подобное не укладывается в голове. Будущее стало тесно сосуществовать с прошлым.

Из личного дневника Фридриха Шульца, старосты станции «Конен», 2069 год.

21 января 2093 года

Йован никогда не упускал шанса раз в год с размахом провести свои именины, напоив всех братьев и сестёр бормотухой собственного приготовления.

Вот и сейчас, несмотря на пришедшую на «Восток» беду, он созвал всех, кого только смог, в столовую, которую много лет назад переделал в бар и нарёк его «Полярным Переполо-

лохом». Подобное ироничное название было как раз в духе здоровяка с его непростым характером.

Йовану стоило отдать должное, поскольку в своё заведение он действительно вложил душу, превратив его в крохотный островок прошлого. Именно в баре посетители могли найти множество разных штуковин с захваченных земель, будь то игрушки, картины, статуэтки, музыкальные проигрыватели и ещё много прочего, хоть и бесполезного, но крайне любопытного барахла. Сам Йован любил коллекционировать бутылки из-под разных алкогольных напитков, которые он с гордостью демонстрировал заезжим гостям, иногда останавливающимся на «Востоке» по пути на другие станции. Матвей лично принёс ему с захваченных земель три бутылки довольно чудаковатой формы: из-под виски, коньяка и вина.

Но, откровенно говоря, «Полярный Переполох» славился своей аутентичностью куда меньше, нежели местным самогоном на картофеле, который Йован выращивал в одном из контейнеров-ферме. Разумеется, большая часть клубней шла на стол в качестве еды, и лишь малую их долю он тратил на крепкую бормотуху.

Поначалу Олег Викторович был против затеи Йована, посчитав её излишней растратой пищи, но с подачи Матвея всё же дал добро. Людям нужно было немного успокоиться и отвлечься перед наступлением зимы, а заодно отдохнуть от изрядно надоевших собраний, которые всё равно ни к чему не

приводили.

Вечером в «Переполохе» собралось полсотни восточников. Они по очереди подходили к стойке, за которой хозяйничал именинник, и поздравляли того с юбилеем.

– Тридцать пять лет! – настала очередь старосты. – Эх, вернуть бы и мне мою тридцать пять.

– Ну, это мы организуем, Олег Викторович, – отблагодарил его за поздравление Йован и стал наливать самогон в рюмку из китовой кости. – Не телом, так духом помолодее-те. Вот.

– Так, сколько с меня, стало быть, ватт? – староста закатал рукав свитера, обнажив свой старенький ваттбраслет, представляющий собой портативный аккумулятор с дисплеем от старого смартфона. Он вытянул небольшой кабель для передачи энергии на браслет Йована, но тот его остановил.

– Олег Викторович, ну, вы чего? Сегодня всё за мой счёт. Забыли? Весь вечер об этом талдычу.

– Вот как? Видать, запомятовал. Ну, раз такое дело... – он взял небольшую рюмочку с напёрсток и залпом её осушил.

Йован и сидящий рядом Матвей тем временем обменялись взглядами, как бы говоря друг другу: Викторович уже не так молод, как в те времена, когда мы оба были мальчишками.

– Ох, хорошо пошла, зараза, – сморщившись, произнёс староста и поспешил закусить сушёной рыбой. – Щас бы хлеба или лучка... Гадство! Жаль, нет у нас семян.

– Я слышал, у палмеровцев есть семена, чуть ли не сотни видов разных овощей, – вспомнил Матвей, отламывая кусок варёной картошки.

– Палмеровцы? Это которые на полуострове? – уточнил староста.

– Они самые. Станция «Палмер».

Олег Викторович отмахнулся.

– Тоже американцы. Цену заломят такую, что за эти ватты потом можно будет полгода всю станцию энергией снабжать. До них ещё и ходу две недели.

– Зато у нас есть картошка, – с ухмылкой подметил Йован и добавил: – И, собственно, больше ничего.

– Эй, громила! – к стойке прильнула Арина. – Ну, с днём рождения тебя, что ли, с тридцати-чем-то-летием.

– Ха-ха, – наигранно ответил на её фразочку Йован. – Посмотрите, кто пришёл позже остальных, – он указал на шумную толпу восточников, играющих за столом в карты. Партия набирала обороты. Слышались удары кулаками о стол, знаменующие горечь поражения или радость победы.

– Да, ладно, не дуйся, а то ты в такие моменты похож на неповоротливого пингвина. Вот, держи-ка лучше свой подарок и налей мне рюмочку.

Арина протянула ему нечто, завёрнутое в тюленью шкуру и небрежно обмотанное розовой лентой.

– Матюш, ущипни-ка меня, а то я, никак, сплю, и мне снится то, чего на самом деле ни за что не произошло бы, –

не приняв в руки подарок, прошептал Йован.

– Ну, раз не хочешь...

– Шучу, шучу! – здоровяк осторожно выхватил из её рук подарок и широко улыбнулся. – Спасибо тебе, вертихвостка. А знаешь что, я даже тебя обниму!

– Нет, давай-ка ты будешь стоять там, где...

Но было поздно, Йован уже вышел из-за прилавка и прижал к животу совсем низенькую Арину, утонувшую в его объятиях.

– Да, всё, всё! Ты меня сейчас придушишь, – запротестовала та, отпрянув от здоровяка. – Взгляни лучше на подарок.

Йован так и сделал, осторожно и нарочито деликатно развязал ленточку, а затем развернул шкуру. Увиденное заставило его вновь расплыться в улыбке.

– погоди, это моя колонка?! – он обернулся к ней. – Хочешь сказать, ты её починила?

– Если ты вдруг забыл, – деловым тоном начала Арина, – я здесь, на «Востоке», что-то вроде молодого гения, способного не только изобретать, но и чинить всё. Ну... почти всё.

– Твоим ручкам да памятник! – Йован взял её за руки и в свойственной ему манере весельчака играючи стал целовать ей пальцы, пока та пыталась вырваться.

– Фу, мерзость! Иди уже, включи что-нибудь, а то от этого галдёжа башка уже болит.

– Уже исполняю.

Йован стал суетиться возле барной стойки, подключая му-

зыкальную колонку к динамикам, вот уже много лет используемым в роли подставки для тарелок. В какой-то момент здоровяк так возбудился в желании скорее подключить колонку, что даже занёс руку для того, чтобы смахнуть всю эту грудку алюминиевых мисок и кружек. Однако вовремя обрзумился и стал осторожно класть их на пол одну за другой.

– Иногда он напоминает мне великовозрастного ребёнка, ей-богу, – шепнула Арина Матвею, сев с ним рядом. – Удивительно, как он дожил до тридцати.

– А я порой завидую ему, – выпитое слегка развязало язык её собеседнику. – Даже несмотря на все беды, он умудряется сохранять человечность и заражать ею остальных. Это очень важно, особенно сейчас.

Арина сдвинула брови, судя по всему не согласившись с его словами.

– По мне так это глупое и неуместное притворство, – ответила она, самостоятельно налив себе бормотухи. – Внутри, уверена, его рвёт на части от осознания грядущей задницы.

Девушка взяла наполненную рюмку и потянула ту к губам.

– Эй, эй, дурёха, ты чего это удумала? – Матвей выхватил у неё рюмку.

– Да, ладно тебе, я только попробовать!

– Нет, – жёстко выдал он. – В другой раз.

Арина собиралась возразить, но её прервали громкие хлопки в ладоши.

– Так, народ! – стал объявлять Йован, заставив умолкнуть

остальных восточников. — Бросаем карты, кончаем чесать языками, откладываем рюмки и... танцуем!

Он нажал на колонку, и по всему помещению волной прокатилась задорная музыка, сочетание гитары и пианино. Пели не то на испанском, не то на итальянском, было не разобрать. Но услышанное отдалось в теле здоровяка, и нога стала бить в такт сама собой.

— Вперёд, айда! — продолжал командовать именинник. — Поднимаем попы, растрясем кости...

Воодушевлённые музыкой и призывами Йована, восточники начали подниматься с мест и приглашать на пустующий в баре островок партнёров. Ввиду нехватки женщин, некоторые мужики в шутку приглашали своих друзей и танцевали с ними.

Задрожал пол, завибрировали стены, послышался смех. Немногочисленное старшее поколение, ещё заставшее время до Вторжения, учило молодых правильно танцевать, хоть и сами «учителя» при этом выглядели крайне нелепо.

— Не пойму, в чём смысл? — пробурчала Арина, кивнув в сторону творящейся вакханалии. — По мне так выглядит глупой растратой энергии.

— Видимо, пока не попробуешь — не поймёшь, — подмигнул ей Матвей.

— Нет, даже не думай...

Но Матвей настоял, встав возле неё и предложив ей взяться за локоть.

– Давай, ты всё это затеяла.

– Я уже жалею, что починила эту колонку.

– Сделанного не воротишь. Теперь расхлёбывай.

– Я не умею танцевать, Матвей.

– Так и я не умею.

Арина тяжело вздохнула. Таки сдалась.

– Ладно, но если я упаду и расшибу себе голову, в этом будешь виноват ты и заодно Йован с его музыкой... Блин, да я сама буду виновата, ведь кто починил эту...

Матвей схватил её за локоть, притянул к себе, и оба они влились в толпу. Он чувствовал, как она занервничала и стиснула зубы.

– Так, и чего делать?

Матвей пожал плечами.

– А мороз его знает. Просто... повторяй вон за тётей Вале́й, – он кивнул в сторону седовласой женщины, охотно рассказывающей молодым, как они танцевали в её молодости, подкрепляя теорию практикой.

– Боже, какая это глупость, – пожаловалась девушка, но всё же попыталась повторить движения.

Сначала Матвей старался лавировать осторожно, следя за каждым своим поворотом ноги и взмахом руки. Но затем плюнул на это и стал двигаться так, как хотелось. Чёрт бы с ним, тут и без него хватает неумех.

– Я помню, как отец постоянно что-то напевал себе под нос на немецком, когда мастерил очередную вещицу, – по-

делилась Арина воспоминанием. – И ещё топал в такт ногой, а я сидела с ним и не понимала, зачем он это делает. Но теперь, кажется, до меня дошло.

– Немного весело, не правда ли?

– Ну...

Арина не ответила, но по её довольной улыбке и так всё стало понятно.

Вдруг между ними вклинился Ромка Булаткин, восьмилетний малец.

– Матвей, Матвей! – он потянул его за свитер к себе.

– Что случилось, малой? – сев на корточки, спросил тот у него.

– Сюда идут трое людей, не наши! Они приехали вот на таком большущем вездеходе!

– Проездом? – предположила Арина, взглянув на Матвея. На её лице считывались волнение и тревога одновременно.

– Если и так, то, по правилам, они должны были связаться с Сэмом, заранее предупредив о прибытии на станцию.

– Матвей, это ещё не всё! – снова завопил мальчишка. – Я у одного из них видел пистолет! Настоящий!

От услышанного у Матвея зазвенело в ушах. Он обменялся тревожным взглядом с Ариной, а затем краем глаза заметил, как входная дверь в «Полярный Переполох» открылась.

На пороге появились трое незнакомцев, одетых в приличные кожаные куртки. Среди них была черноволосая девушка, чей строгий, оценивающий взгляд сразу привлёк внима-

ние Матвея. Со стороны казалось, что она просчитывает текущую обстановку, заранее планируя свои действия. Вторым был коренастый мужчина среднего роста: гладковыбритое лицо (ныне большая редкость ввиду отсутствия нормальных инструментов для бритья), квадратная челюсть и немного туповатое выражение. Во главе этих двух стоял старик в чёрной кепке на голове и седой бородой, левую руку он держал в кармане куртки.

– Это они, они! – громко заверещал Рома.

Старик что-то шепнул своей спутнице, указал на барную стойку, и вся троица направилась к ней. С головой погружённые в танец восточники сперва не обратили внимания на чужаков, пока те не пошли сквозь толпу танцующих. Вот тут-то незваные гости приковали к себе несколько подозрительных взглядов.

Чутьё подсказывало Матвею, что в любую минуту может произойти что-то неладное.

К тому времени, как незнакомцы подошли к барной стойке, все собравшиеся, несмотря на продолжающую играть музыку, уже перестали танцевать и смотрели только на них. Йован, как и беседующий с ним Олег Викторович, заметили троицу самыми последними.

– Оу, а это кто у нас? – не растерялся Йован и, заметив, что остальные восточники более не танцуют, выключил музыку. – Никак гости с другой станции?

Остававшийся на чеку Матвей постарался незаметно по-

дойти сбоку к тому коренастому с туповатым лицом и сесть на краешек стола. Сделав это, он заметил, как Олег Викторович, продолжая сидеть на стуле, с прищуром вглядывался в старика в кепке, словно бы изучая каждую чёрточку его лица.

– Да, так и есть, – ответил хрипло старик и оглянулся назад, приковав к себе взгляды всех собравшихся. – Как-то не очень гостеприимно вы встречаете выживших с других станций.

– Гости на «Востоке» у нас, знаете ли, в диковинку, – стал объяснять Йован. – Не все горят желанием посетить самую холодную станцию Антарктиды.

– М-да, пожалуй, мало кто захочет, – согласился старик. В его голосе чувствовалось напряжение, которое передалось двум его спутникам, повернувшимся лицом к посетителям. – Какой-то праздник?

– Вроде того, – сообщил Йован. – Вам налить? Или, может, хотите поесть?

– Нет, спасибо. На самом деле я ищу одного человека. Зовут Матвеем, фамилия Беляев. Он собиратель. Мне сказали, что я могу найти его здесь, на «Востоке».

При упоминании имени Арина переглянулась с Матвеем и подошла к нему поближе.

– Да, я знаю Матвея, – ответил Йован.

– Чудно. Он сейчас здесь? Мне нужно поговорить с ним.

– Видите ли, как я и сказал, мы на «Востоке» не слишком

привыкли к чужакам, – Йован взял один из стаканов и стал протирать его тряпочкой. – И, чтобы перестать быть таковыми для нас, восточников, как минимум, на этот вечер, лучше всего будет вам назвать свои имена и станцию, с которой вы прибыли.

Незнакомец и рта не успел открыть, как в диалог внезапно вмешался Олег Викторович:

– Пускай не утруждает себя. Йован, я скажу тебе, с какой они станции, – лицо старосты охватила злобная судорога, а зубы заходили ходуном. Он указал пальцем на старика в кепке: – Я узнал тебя. Ты младший брат Зотова, сославшего нас сюда, – после чего крикнул всем остальным: – Это прогрессисты!

Слова старосты прозвучали для всех как боевая команда. Люди взревели и схватились за бутылки, ножи, одним словом, за всё, что попало под руку.

В этот самый миг один из спутников старика, тот, что с туповатым лицом, потянулся к поясу с явным намерением достать оттуда оружие. Матвей швырнул в него стул, выиграв тем самым себе пару секунд, и набросился на мужчину, прижав к его горлу сломанную ножку от брошенного стула.

Чего Матвей не учёл, так это черноволосую девчонку, ловко вынувшую пистолет из кобуры за поясом. Она нацелила ствол ему в голову, взвела курок и, наверняка бы, выстрелила, если б не раздавшийся рядом с ней строгий голос Йована:

– И думать не смей, – велел он, держа её на мушке старой

двустволки, которую успел достать из-под прилавка во время начавшегося переполоха.

– Тихо, успокойтесь, – спокойным тоном произнёс старик в кепке. – Мы никому не причиним вреда.

– Вот как? – вмешался в разговор Йован. – А оружие, стало быть, для красоты носите?

– Нет, для таких вот ситуаций, – объяснил тот.

– Да чего с ними разговаривать? Кончить уродов, и всё тут! – крикнул из толпы Паша Орлов, судя по сиплому голосу. – На «Востоке» нет места прогрессистам!

– Без тебя разберёмся, захлопни варежку! – грозно ответил соплеменнику староста и вернул свой взгляд на главного прогрессиста. – Вы допустили большую ошибку, явившись сюда, ещё и с оружием.

– Возможно, – голос старика в кепке по-прежнему оставался спокойным, что не могло не вызывать скрытого уважения. – Но у меня не было времени на раздумья.

– Что ж, теперь у тебя и твоих людей будет его предостаточно, пока все вы будете сидеть под замком.

– Нет! – голос прогрессиста дрогнул, на мгновение лишившись прежнего спокойствия. – Послушайте, я и мои люди пришли сюда за помощью.

– Помощью?! – Олег Викторович впал в ярость. – Ты, видать, издеваешься?

Прогрессист предпочёл не отвечать на его вопрос и, поджав нижнюю губу, сказал:

– Давайте просто поговорим без угрозы жизни друг другу, это всё, о чём я прошу. Опустим оружие...

– Сначала вели это сделать своим людям, – твёрдо отчеканил староста.

– Послушайте, я просто ищу собирателя по имени Матвей, фамилия Беляев. Всё, чего я хочу, – это поговорить с ним. Больше ничего.

– Тогда вам следует опустить оружие, – внезапно вмешалась в разговор Арина, выступив вперёд. – Потому что ваша дамочка как раз держит его на прицеле.

Прогрессист взглянул на Матвея, прижимающего острый обломок деревянной ножки к шее коренастого. Стоит ему нажать чуточку сильнее...

– Это действительно вы? Беляев Матвей?

– Да, – поняв, что скрывать этого более не имело смысла, ответил тот.

– Надя, опусти оружие и положи его на стойку, – строго велел старик черноволосой.

– Но...

– Делай, что велено!

Девушка по имени Надя ещё секунду держала Матвея на прицеле, а затем, прошептав себе что-то под нос (явно не хорошее), нехотя подчинилась. Йован, продолжая держать дуло ружья в паре сантиметров от неё, свободной рукой коснулся пистолета и положил его под стойку.

– Ты тоже отдай сюда пистолет, – приказал Матвей своему

заложнику, но тот лишь с непониманием и злобой смотрел в его сторону. – Живо! – Матвей слегка нажал ножкой стула на его шею, отчего появилось немного крови.

– Он не понимает тебя! – вмешался прогрессист.

– Что значит – не понимает? – озадаченно спросил Матвей.

– Он глухонемой, – объяснила Надя и поднятыми руками привлекла внимание спутника, после чего тот бросил пистолет на пол.

– Советую и тебе вытащить пушку из кармана, – обратился к старику Матвей, подбирая пистолет.

– Я безоружен.

– Делай, что он говорит, прогрессист хренов, – выпалил Олег Викторович, приблизившись к тому почти вплотную.

Старик хмыкнул, обвёл взглядом остальных и осторожно вытащил из кармана золотую цепочку с крестиком, которую староста тут же выхватил из его рук.

– Эй, живо верни! – возмутился старик, но тут же замер, как только в его щёку упёрлось дуло ружья.

– Но-но, дедуля, – сообщил ему Йован, – не рыпайся.

– Это моя вещь, ясно? Вы не имеете права...

– Ещё как имею, говнюк, – с не утихающей злобой прошипел староста, положив цепочку в карман куртки. – Матвей, Паша, Боря, уведите эту троицу в лабораторию и убедитесь, что они будут оставаться нашими «гостями» до тех пор, пока мы не решим, что с ними делать.

– Да вы что, рехнулись? – впервые подала голос Надя. – Вы напали первыми!

– Соболева, помолчи.

– Начальник, но ведь...

– Помолчи, говорю! – рявкнул он.

Девушка подчинилась, хотя было видно, что её так и распирает от гнева.

Матвей помог немому подняться и передал его в руки вышедших из толпы Паши и Бори, которым Йован уже дал моток верёвки, лежавший под прилавком. Как только пленники оказались полностью скованы, здоровяк не упустил возможности в излюбленной ему манере отпустить очередную шутку: он наставил дуло ружья на старика и нажал на спусковой крючок.

– Пуф! – хихикнул он.

Все в баре знали, что эта двустволка последний раз стреляла лет двадцать назад, пока не превратилась в одну из местных декораций бара «Полярный Переполох».

Глава 4. Сделка

Каждый день я задаюсь вопросом: что было бы, не найди мы на территории Антарктиды богатые залежи кобальта? Построили бы здесь жилые модули? Обеспечили бы тамошних полярников всем необходимым для комфортной жизни? Все эти ветряки, солнечные панели, сверхмощные вездеходы... Кроме учёных, никого не интересовал всерьёз кусок мёрзлой земли, пока здесь не нашли «золотую» жилу, приносящую миллиарды.

Я прихожу к мысли, что если бы мерзляки напали на нас до открытия залежей, то есть на десять лет раньше, вероятно, очень скоро Антарктида стала бы братской могилой для всего человечества. Без всего того, что оставили здесь кобальтовые корпорации, никто не продержался бы здесь и года.

Из личных записей старшего архивариуса Маркуса Терри, 2073 год.

22 января 2093 года

С момента задержания прогрессистов минула ночь, которая стала на «Востоке» одной из самых беспокойных и бессонных за последние годы. Жители станции судачили и стро-

или догадки о целях визита давних врагов, при этом ставя под сомнение их умственные способности: это ж надо было набраться наглости и явиться сюда без разрешения, да ещё и в канун праздника.

Ещё одним поводом для горячего обсуждения являлся вездеход незваных гостей. Правда, вездеходом назвать эту махину язык не поворачивался, поскольку своей массивной конструкцией он, скорее, напоминал танк.

Транспорт был оснащён громадными колёсами с шипами и адаптивной подвеской, благодаря которым можно без особого труда преодолевать даже самые высокие заступы. Кабина выглядела, словно морда орла: вытянутая, с хищным взглядом фар и заострённым капотом, напоминающим клюв, только с решёткой радиатора. Корпус цвета серебристо-синего металла искрился на солнце, создавая эффект мерцающего полярного сияния.

На вездеходе с таким оснащением можно было добраться до любой точки Антарктиды, знай только заряжай себе аккумулятор, который, как предполагал Матвей, жрал немалое количество ватт.

Для той троицы подобная махина была чересчур великовата, поэтому Олег Викторович, сразу, после заключения прогрессистов под замок, приказал немедленно обыскать металлические контейнеры, закреплённые прочными ремнями на крыше вездехода. Найденное в них содержимое повергло восточников в шок, и количество желающих расправиться с

прогрессистами значительно возросло.

Помимо вещей, предназначенных для длительных поездок: сменной одежды, множества еды и запасных батарей для аккумулятора, там хранилось оружие с большим количеством боеприпасов. Более того, им удалось найти даже целый ручной противотанковый гранатомёт, он же РПГ, и с десятков гранат.

Но самой примечательной находкой стала снайперская винтовка, длиной сравнимая с ростом Арины. Причём найдена она была не в ящиках, а лежала на койке внутри вездехода. И хоть с виду винтовка казалась довольно тяжёлой, но Йован, взяв её в руки, ухмыльнулся, заметив, что весит она всего ничего. Всё потому, что оружие было изготовлено из особого углеродного материала, известного своей лёгкостью и прочностью. Матвею довелось видеть подобные винтовки пару раз на рынках собирателей в «Мак-Мердо». Стоимость одной такой покрывала, как минимум, год обеспечения ваттами его жилого модуля.

– Эту красавицу я возьму себе, – погладив ствол винтовки, объявил Йован. – Думаю, прогрессисты не обидятся. А патроны для неё видали? Размером с мой средний палец.

– Ты хоть стрелять из неё умеешь? – выпалила Арина.

– А чего уметь-то? Прицелился, нажал, бам! – Йован обернулся к подошедшему Матвею. – Как тебе арсенал, дружище? Самое то, чтобы захватить небольшую станцию, а? – последнее предложение он произнёс с заметным налётом.

– Втроём? Ты серьёзно? – с издёвкой ответила ему Арина.

– Да, с таким вооружением и трёх человек хватит. Глянь на всё это добро! У нас на целую станцию всего несколько пистолетов и допотопное ружьё, которое не стреляет, а здесь даже автоматы есть. Я их сроду не видал, разве только на картинках.

– Даже если и так, даже если и предположить, что они сюда приехали нас захватывать... втроём, то зачем им оставлять набитый оружием вездеход без присмотра? Ещё при этом вваливаться в бар, где собрались все восточники?

– Может, у них здесь подкрепление где-нибудь рядом, а они – вроде отвлекающего манёвра, – строил догадки здоровяк. – Вот сейчас расслабимся, пойдём спать, а они как!..

Услышав ответ Йована, Арина закатила глаза.

– Может, лучше попробовать у них самих выяснить, зачем они взяли с собой столько оружия?

– Так они тебе и скажут.

– Матвей, – Арина устала спорить с Йованом. – Нужно поговорить с ними. Тот старик искал тебя... Да ты и сам сказал Олегу Викторовичу, что Сэм упомянул тебя по радиосвязи пару дней назад. Это, наверняка, они пытались связаться, но, не получив ответа, приехали сюда.

– На кой чёрт ты им сдался, Матвей? Ты знаешь их? – поинтересовался Йован.

– Нет, – честно ответил тот, – но догадываюсь, зачем они сюда пришли.

– Вот как? И зачем?

– Глядите, вон Олег Викторович идёт, – перебила их Арина.

Староста выглядел крайне потрёпанным и усталым, хоть и старался этого не показывать.

– Чтоб я ещё раз твою бормотуху выпил, – обратился он к Йовану и смачно зевнул. – Башка, как китайская ваза – щёлкни пальцами и развалится. Так, ну, чего? Нашли ещё что-нибудь, помимо оружия? – задал вопрос Олег Викторович.

– Да, кроме оружия, ничего особенного, – сообщил Йован. – Так, жратвы на неделю, одежда, портативные аккумуляторы, карты...

– Карты чего?

– Этих, как бишь их...

– Санкт-Петербурга и Москвы и Московской области, – опередила его Арина.

У старосты глаза на лоб полезли, и он с удивлением присвистнул:

– Ух, ты! Давненько я этих названий не слышал. Жаль, до Вторжения так и не успел там побывать, в двух столицах. Сам-то я родом из Красноярска.

Для остальных присутствующих мечтательная речь Олега Викторовича прозвучала, словно рассказ про другие планеты.

– Ладно, Матвей, Йован, пойдём допрашивать этих гаври-

ков. Устроим им, как говорится, очную ставку, – решительно заявил староста.

– Я с вами пойду, – вызвалась Арина.

– Не надо. Последи лучше, чтоб детвора на эту хреновину не залезала, – велел староста в пренебрежительном тоне, из-за одного только факта, что это чудо инженерной мысли принадлежит злейшим врагам. – А то у нас утром уже двое навернулись, чуть шеи не переломали.

– Матвей, – начала Арина, поджав верхнюю губу, и грустно посмотрела на него. Таким наивным и немного требовательным взглядом она обычно стремилась добиться своего. – Пожалуйста, могу я пойти с вами? Я не буду мешать.

Уловка девушки снова сработала.

– Пускай пойдёт, Олег Викторович. Головка у неё умная, может, взбредёт чего в неё.

Староста молча махнул рукой: пускай идёт.

Крохотное здание лаборатории пустовало уже много лет. Имеющиеся в жилых модулях удобства здесь отсутствовали, а места для хранения чего-либо тут было крайне мало, поэтому все батареи и прочую технику отсюда вынесли ещё давным-давно, найдя им более выгодное применение.

За пленниками, запертыми под замок в одном из кабинетов, следил Паша Рожков со стареньким пистолетом в руках. Бедолаге пришлось одеться в дополнительную куртку, поскольку температура в помещениях, как и в кишке моду-

лей, поддерживалась лишь старыми стенами из каменной ваты. Завидев приближающуюся делегацию, Пашка аж подскочил, потирая замёрзшие руки.

– Здорова, Паш.

– З-здравствуйте, Олег Викторович, – дрожа от холода, сообщил тот.

– Ну, чего они? Буянят?

– Да не особо, говорить хотят, на холод ж-жалуются и на тошноту.

– Жалуются... Ничего, пушай померзнут, как мы когда-то... А тошнота – это всё из-за горной болезни. Мы-то привыкшие, а они...

Из Олега Викторовича так и сочилась ненависть, которую он совершенно не скрывал.

– Ещё говорят, что времени у них нет, – продолжал Паша, – с-спешат куда-то.

– Спешат, ага... – с сарказмом ответил староста. – Ну, а нам спешить некуда. Ладно, ступай, Паш, согревайся. Дальше мы сами.

– С-спасибо, – поблагодарил тот и быстрым шагом направился к выходу из лаборатории.

Староста щёлкнул замком, кивнул вооружённым Матвеем с Йованом, мол, будьте готовы ко всему, и зашёл внутрь.

Прогрессисты сидели на столе, прижавшись спинами друг к другу в попытке согреться. Девушка, заметив вошедших, спрыгнула на пол и сжала кулаки. Она сморщила нос, будто

учуяла неприятный запах, и смачно плюнула в стену.

– Надя, угомонись, – всё тем же спокойным тоном обратился к ней старик в кепке, ласково взяв её за рукав. – Мы с тобой уже обсуждали. Это ни к чему не приведёт.

– Эта горилла... – прошептала она, указывая на Йована.

– Потом, – осадил её старший. – Не сейчас.

– Правильно, девочка. Слушайся своего старшего, даже если это прогрессист, – проговорил Олег Викторович. – Иначе я сейчас принесу ведро с мокрой тряпкой, и будешь драить мне все жилые блоки станции.

Явно невероятным усилием воли Надя заставила себя промолчать и вернулась на место, не сводя взгляда с Йована.

– погоди, это она меня гориллой назвала? – шепнул Йован на ухо Матвею с явным недоумением.

– Я прошу прощения за мою подчинённую, – обратился к Олегу Викторовичу главный прогрессист. – Надя крайне взволнована, что вы взяли её «Лапочку» без спроса.

– Чего? Лапочку? – смутился Олег Викторович.

Старик кивнул в сторону Йована.

– Это имя винтовки.

– Вот как? Ну, теперь у неё новый владелец, и имя будет тоже новое, другое. Например... – он окинул задумчивым взглядом оружие. – Например, «Хреновина»!

Матвей опять заметил, как Надя едва не сорвалась в желании высказать Олегу Викторовичу всё, что она думает. Забавно на её фоне смотрелся третий, глухонемой член этой

шайки, который даже ни разу не шевельнулся.

– Обсудим это потом, – выставив ладони, произнёс старший. Было слышно, как дрожит его голос, будто он и сам пытается из последних сил держать себя в руках. – Для начала я хотел бы представиться, – он протянул Олегу Викторовичу руку: – Вадим Георгиевич.

Староста, само собой, его руку не принял.

– Знаю я тебя. Ты Зотов, младший брат того ублюдка, который бросил нас здесь умирать. Я помню твою рожу, даже несмотря на появившиеся на ней седины и морщины.

Вадим Георгиевич сочувственно вздохнул, правда, было трудно понять, искренне или наигранно.

– Да, это так, я Мишин брат. Уж если на то пошло, и я узнал тебя, Олег Викторович Ложков, даже несмотря на появившиеся на твоём лице морщины и седину.

У Олега Викторовича от злости привычно затряслась кожа на подбородке от резкого ответа его оппонента.

– Поэтому будем считать, что мы уже знакомы, – Матвей заметил, что эта фраза прозвучала так, будто они знали какую-то общую тайну.

– Послушайте, – теперь Вадим Георгиевич обратился ко всем присутствующим: – Я понимаю, что между нашими станциями были не самые лучшие отношения в прошлом. Но прямо сейчас, как бы оскорбительно для вас ни звучало, я не хочу тратить на это время. Мы и так потеряли целую ночь, а у меня каждый час на счету.

– Не хочет тратить он время... – буркнул староста.

– Олег Викторович, – на этот раз в разговор вмешалась Арина. – Пускай говорит, иначе мы здесь к концу дня все примёрзнем к месту, пока вы будете злобно зыркать друг на друга.

– Хорошо, – согласился староста, – говори, на кой хрен припёрлись?

– Я уже говорил вам ещё в той столовой...

– Баре, – поправил его Йован.

– Хорошо, баре... – он посмотрел на Матвея. – Я ищу собирателя по имени Матвей Беляев. Если я правильно понял, это вы?

Матвей с безразличием кивнул.

– Не сын ли того самого Беляева?

– Да, это сын Вячеслава Беляева, – с гордостью ответил Олег Викторович, без всяких церемоний вмешавшись в разговор. Старик никогда не упускал возможности показать, что восточники во всём лучше прогрессистов, да и вообще жителей других станций.

– В таком случае мне повезло вдвойне. Учитывая ваш опыт и знания, очевидно, переданные вам отцом. Всю последнюю неделю мы только и делали, что связывались со всеми крупными и не очень станциями в радиусе двух тысяч километров: «Мирный», «Кейси», «Мак-Мердо», «Чжуншань»... ни в одной не нашлось собирателя. Все они уже давно отправились в рейд. Но найти вас, да ещё и сына Бе-

ляева... это и впрямь большая удача.

– Послушайте, я знаю, к чему вы клоните, – прервал его Матвей, который понял всё окончательно ещё в тот момент, когда в вездеходе были найдены карты. – Вы зря сюда приехали, я больше этим не занимаюсь.

– Минуточку... – вмешался в диалог Олег Викторович и обратился к Матвею. – Я правильно понимаю, что этот хмырь имеет наглость нанять тебя в качестве собирателя? – и, не дождавшись ответа, наигранно засмеялся: – Да вы, прогрессисты, совсем страх потеряли.

– Как бы то ни было, – спокойно ответил Матвей, – я этим уже не занимаюсь.

– Могу я узнать, почему? – вежливо, но с заметным нетерпением спросил прогрессист.

– Не можете, – всё так же твёрдо произнёс Матвей.

– Начальник, мы только попусту теряем время! – Надя вскочила с места и подошла к нему. – Пока не поздно, отправимся к полуострову, на «Палмер». Если не здесь, то там, точно, найдутся собиратели.

– Ты прекрасно знаешь, что мы потеряем куда больше времени на дорогу. До «Палмера», как минимум, две недели пути.

– Так мы хоть куда-то будем двигаться, а не торчать на месте среди этих упёртых баранов.

– Упёртость нам помогала выживать все эти годы и до сих пор помогает, – согласился Йован, – а вот насчёт баранов ты

явно погорячилась, красавица.

Здоровяк и прогрессистка обменялись враждебными взглядами. Наверняка, если оставить эту парочку наедине, уже через минуту они вцепятся друг другу в глотки.

Тем временем Вадим Георгиевич снял с себя куртку и, закатав рукав свитера, включил дисплей своего ваттбраслета.

– Пашка, бестолочь, велел же обыскать... – пробурчал злобно Олег Викторович.

Вадим Георгиевич несколько раз ударил по сенсорному экрану и показал восточникам изображение девушки-блондинки, стоявшей у стола с книгами. Взгляд незнакомки выглядел серьёзным, но не лишённым искорки озорства, что добавляло ей таинственности и необъяснимого очарования.

– Это моя дочь Мария, Машенька, – с ноткой жалости стал рассказывать Вадим Георгиевич, продолжая демонстрировать фотографию. – В середине октября она отправилась в научную экспедицию до Москвы в составе небольшой группы, которую сопровождал собиратель-канадец по прозвищу Шаман. Возможно, вы слышали о нём, Матвей...

О, да, как не знать про Шамана. Кличку свою он получил не просто так. Канадец обладал каким-то неведомым талантом предугадывать погоду наперёд и без всякого оборудования, вроде метеодатчиков или зондов. Этот дар помогал ему избегать встреч с мерзляками и до сих пор оставаться в живых. Нет, разумеется, он, как и все, пользовался метеорологическими приборами, но делал это, скорее, для спо-

койствия своих спутников. По крайней мере, нечто подобное Матвей слышал о собирателе по прозвищу Шаман.

– Она вместе с остальными должна была вернуться ещё месяц назад, в середине декабря. До этого за последние восемь лет она уже четыре раза отправлялась в экспедиции на захваченные земли: Чили, США, Норвегия, Аляска – и всё проходило гладко. Но теперь... видимо, что-то пошло не так.

– Думаю, что здесь всё понятно, как полярный день, – выдал Матвей и посмотрел Вадиму Георгиевичу прямо в глаза. – На этот раз вашей дочери не повезло...

– Я знаю, к чему вы клоните, – поспешил ответить прогрессист, хоть это и звучало как оправдание. – Но, поверьте мне, Матвей, вы не знаете, на что способна моя дочь.

– Вы правы, не знаю, – всё тем же спокойным тоном говорил Матвей. – Но одно я знаю точно: рано или поздно мерзляки добираются до тебя, независимо от твоих способностей. Поэтому советую вам смириться, ваша дочь мертва.

– Она жива! – закричал прогрессист да так, что заставил всех присутствующих вздрогнуть, за исключением глухонемого Домкрата; тот продолжал спокойно наблюдать за происходящим.

Терпение, что Вадим Георгиевич бережно старался сохранять до сих пор, напрочь испарилось.

– Вы просто утешаете себя, – продолжал настаивать Матвей. – Советую вам смириться и вернуться домой, – затем он обратился к старосте: – Олег Викторович, отпустите их.

– Ты уверен? Я бы не стал.

– Я заплачу, – Вадим Георгиевич немного успокоился и предпринял очередную попытку уговорить. – Я не хочу знать причин, по которым вы больше не собиратель, ни чего-либо ещё. Мне достаточно лишь того, что вы – сын вашего отца, лучшего собирателя времён Адаптации.

«Я не мой отец», – так и хотелось произнести Матвею, но он сдержался, решив выслушать предложение прогрессиста до конца.

– Послушайте, всё, чего я хочу, – это вернуть мою дочь, – произнёс тот. – И за вашу помощь я готов щедро заплатить.

– Нам не нужны ваши ватты, – отрезал Матвей, обернувшись к прогрессисту через плечо, – наши панели и ветряки производят достаточно энергии. – Здесь Матвей чуточку соврал, лишние ватты им, и правда, не повредили бы. Последнее время что ветряки, что панельки стали работать хуже, генерируя всё меньше энергии. Но прямо сейчас это была не первостепенная проблема.

– Тогда что вам нужно? – не сдаваясь, хоть и не так резво, как прежде, спросил Вадим Георгиевич.

– Еда, много еды. – Он повернулся к прогрессисту лицом. – На днях у нас произошёл пожар на складе и вся провизия на предстоящую зиму сгорела. Многие восточники умрут этой зимой, если не получат достаточно еды...

Вадим Георгиевич задумчиво потёр свою седую бороду. На это обратила внимание Надя и, подойдя к нему, запроте-

ствовала:

– Начальник, только не говорите, что вы серьёзно обдумываете это.

– Не мешай, – шикнул он на неё.

Здесь впервые ожил Домкрат. Он слегка ударил по столу, привлекая внимание Нади, и стал жестикулировать руками. Выражение его лица при этом постоянно менялось: вот он вопросительно сдвинул брови, вот их поднял, широко раскрыв глаза.

Девушка ответила ему жестами, при этом бормоча про себя:

– Он пытается договориться с ними, заплатить едой, а не ваттами.

«Увидев» ответ напарницы, Домкрат резко вскочил с места и коснулся плеча Вадима Георгиевича. Затем помотал головой, тем самым присоединившись к протесту Нади.

– Не вам решать, понятно? Не вам! – грозно зашипел на подчинённых Вадим Георгиевич, осадив их властным взглядом.

– У нас нет скатерти-самобранки! Мы и сами... – начала Надя.

– Это моя дочь, ясно тебе?! И твоя подруга, между прочим!

Надя поджала губы и сердито выдохнула, раздув ноздри, после снова села на стол, отвернувшись к стене.

– Разделим плату, тридцать процентов еды, остальное –

ватты, – предложил Вадим Георгиевич.

– Нет, – твёрдо ответил Матвей, не потратив даже секунды на размышления. – Только еда, никаких ватт.

– Да ты с ума сошёл! – возразил Вадим Георгиевич, незаметно перейдя на «ты». – Сколько вас здесь, не больше сотни?

– Сто тридцать четыре.

– Это одна десятая от всех запасов нашей станции на эту зиму. Я не могу пойти на такое!

– В таком случае и я не могу решиться на глупую и опасную авантюру, на которую вы хотите меня подписать, – небрежно выдал Матвей. – И, как по мне, это даже к лучшему.

– Хорошо, хорошо, – прогрессист аж покраснел от злости. – Чёрт с тобой. Пятьдесят на пятьдесят.

– Сто процентов еды, – настаивал Матвей.

Краем глаза он заметил, как сидевшая позади Надя так и норвила выскочить вперёд и вступить в диалог.

– Чтоб тебя... настырный восточник... – сквозь зубы процедил Вадим Георгиевич и вернулся к своим спутникам. Воспользовавшись ситуацией, Домкрат слегка задел плечо своего босса и стал объяснять ему что-то на языке жестов, не меняя при этом злобного выражения лица.

Тем временем к Матвею подошла Арина и шепнула ему на ухо:

– Ты серьёзно хочешь отправиться на захваченные земли?

После случившегося?

– Нет, – спокойно ответил он. – Он всё равно не согласится. А прежде чем они уедут, хочу их немного потрепать.

– Зачем?

На этот вопрос Матвей не мог ответить словами. Прямо сейчас им двигало чувство какого-то, внезапно пробудившегося ребяческого азарта. Да и возможность помучить напыщенного прогрессиста доставляла небольшую толику удовольствия.

– Восемьдесят процентов, – прозвенел голос Вадима Георгиевича в ушах Матвея. – Это моё последнее слово.

Надя от злости пнула старую металлическую корзину для мусора.

Признаться, Матвей не ожидал, что ставки поднимутся настолько высоко. Услышанное предложение привело его в замешательство. По всем признакам, дочь для этого прогрессиста была действительно важна, раз он готов настолько существенно урезать паёк своим соплеменникам.

Ответ на предложение после недолгого раздумья стал совершенно очевиден:

– Я согласен.

Олег Викторович от такого заявления опешил, а Йован с Ариной обменялись удивлёнными взглядами.

– Мы выйдем на минуту. Сидите и не дёргайтесь, – велел прогрессистам староста. Он взял Матвея под локоть и кивнул остальным, веля идти за ним.

Выйдя из кабинета, они отошли от двери подальше вглубь коридора, и староста, не стесняясь в выражениях, вспылил:

– Ты совсем дурак? Совсем уже не соображаешь?

– Я не вижу иного выхода, как нам пережить эту зиму, Олег Викторович, – выдохнул Матвей.

– Ну, уж точно не идти на сделку с треклятым прогрессистом! Ещё и, мать его, с Зотовым! – голос старосты сделался мрачным и злобным. – Тебе что, напомнить, как его братец кинул тебя, меня, твоего отца и остальных? Думаешь, этот другой? Поверь мне, у него тоже рыльце в пушку!

– Да знаю я, знаю, Олег Викторович! – едва сдерживаясь от крика, ответил Матвей. – Но, дорогой мой, поймите, это хоть что-то... Хоть какое-то действие, а не очередное бессмысленное собрание, которое ни к чему не приведёт.

– Он прав, Олег Викторович, – вступилась за Матвея Арина, выйдя вперёд. – Все эти собрания – не что иное, как переливание из пустого в порожнее, попытка уклониться от неизбежного, – она смутилась, затем собралась с духом и обратилась ко всем, а не только к старосте, чтобы сказать следующее: – Не знаю, как вы, а я верю этому Вадиму Георгиевичу. Он выглядит крайне отчаянным.

– Ещё одна... тьфу ты! – буркнул староста. – Поколение...

– А я не верю ни одному из них, – тихо произнёс Йован.

– Ну, слава богу, среди нас – я не единственный здраво-мыслящий восточник, – выдохнул староста.

– Но вынужден признать, – продолжил здоровяк, – вся-

ко лучше испытать удачу, нежели сидеть и ждать голодной смерти. И, хочешь не хочешь, Матюш, – он положил ему руку на плечо, – но, если ты действительно собираешься отправиться в это опасное путешествие, то я поеду с тобой. Не хочу оставлять тебя наедине с этой шайкой прогрессистов.

– Спасибо, Йован, но тебе лучше остаться здесь, проследить за баром и остальными, – сказал Матвей.

– Я не напрашиваюсь, а ставлю тебя перед фактом. Заодно окажу моим братьям и сёстрам восточникам большую услугу, существенно сэкономив оставшиеся запасы еды. Ты ведь не забыл, что я ем за троих?

Матвей скривился в усмешке. Умеет же всё-таки этот прохвост заразить хорошим настроением, даже несмотря на серьёзность происходящего. Вот и сейчас, подписываясь на опасную миссию, он умудрился сохранить бодрое расположение духа.

Зная упрямую натуру здоровяка, Матвей не стал уговаривать того остаться и молча согласился на его помощь. Да и, признаться, в компании пускай и одного, но собрата, он будет чувствовать себя в разы спокойнее в окружении аж целых трёх прогрессистов.

– Йован, у меня была последняя надежда, что хоть ты не потерял остатки здравомыслия, – недоумевал Олег Викторович.

– Я тоже хочу с вами, – вдруг заявила Арина.

С самого начала Матвей догадывался, что его младшая

сестрёнка непременно воспользуется шансом napроситься с ним. Для этой выходки у него уже был чёткий и заготовленный ответ:

– Даже не обсуждается.

– Но я могу быть полезна! К тому же это замечательная возможность испытать в полевых условиях тот метеодатчик, что я тебе показывала. Да и, вообще, ты свою первую вылазку сделал в пятнадцать лет, а мне уже семнадцать!

– Арина, нет, – твёрдо ответил ей Матвей. – Не пытайся меня уговаривать, из этого ничего не выйдет. Ты останешься здесь.

– Ты не можешь...

– Ещё как могу! – настойчиво и громко произнёс Матвей. – Разговор окончен. Ты останешься здесь и будешь помогать своим братьям и сёстрам. Точка.

Арина наморщила нос, резко развернулась и быстрым шагом двинулась от лаборатории.

«Так будет лучше, – подумал про себя Матвей, – она успокоится, обязательно успокоится. Надо будет зайти к ней...»

– М-да, – вздохнул староста, скрестив руки на груди, – это какое-то безумие.

– Олег Викторович, я не смогу сделать этого без вашего одобрения, – обратился к нему Матвей. – Вы наш староста, вам и решать.

– Мне решать... – повторил тихо тот, присев на старый ящик. – Как же на такое можно решиться? Это тебе не

хухры-мухры, на опасное предприятие ты подписываешься, Матвей, да ещё и в компании с этими...

Из кабинета раздался стук, и оттуда приглушённо прозвучал голос Нади:

– Долго вы там? Мы здесь уже замёрзли до костей!

– Суетливая баба, а? Прогрессистка... – кивнув в сторону двери, произнёс староста.

– Не то слово, – подтвердил Йован.

– Да уж...

– Ну, так что, Олег Викторович? Что вы скажете? – спросил Матвей.

– Да что я скажу... прав ты. Не верю я этим змеям, каждому их вздоху не верю, но грех будет не попытаться... Да и верно ты подметил, все эти собрания – пыль в глаза. Ничего они не решат, – он тяжело вздохнул и посмотрел на Матвея с Йованом: – Добро я даю, так и быть. Кроме вас, «Востоку» больше не на кого надеяться. На вас вся надежда, ребятки.

С этими словами староста подошёл к ним поочерёдно, обменялся рукопожатиями и по-отечески обнял каждого. У бедолаги даже слеза выступила, которую он спешно смахнул.

К прогрессистам они зашли втроём.

– Мы согласны, – ответил Матвей, – но помяните моё слово, это будет не спасательная экспедиция, как вы себе её представляете, а поездка за трупом.

Главный прогрессист хранил молчание, только тихо улыбался.

– И ещё кое-что, – серьёзным тоном добавил Матвей, – если вы попыбуετε обмануть меня и нарушить условия сделки, помяните моё слово, мерзляки покажутся вам цветочками в сравнении с тем, что с вами сделаю я. Это понятно?

– Да, – кивнул прогрессист. – Предельно понятно.

Матвей заметил, как Надя хмыкнула, явно не приняв его угрозу всерьёз. Будь у него время и силы, он поговорил бы с ней с глазу на глаз, но пока решил лишь взять на заметку этот жест и поставить в памяти галочку на её счёт.

Собиратель подошёл вплотную к Вадиму Георгиевичу и протянул руку.

– Вы дали слово, восемьдесят на двадцать.

– Восемьдесят на двадцать.

Он крепко пожал довольно мягкую руку старика. Такую невозможно было встретить ни у одного восточника, с детства привычного к тяжёлому ручному труду. Да, куда там, не все восточники даже имели пять пальцев на руке. Обморожение и ампутация в этих краях были частым явлением.

Пока они пожимали друг другу руки, Матвей долго смотрел в мутные глаза старика, пытаясь выяснить, что же у того было на уме.

– Не будем терять времени, – вскорости ответил Вадим Георгиевич. – Отправимся немедленно.

– Мне и моему напарнику нужно подготовиться, собрать всё необходимое, – Матвей кивнул в сторону Йована, давая понять, что он поедет не один.

– Хорошо... – согласился прогрессист, молча приняв очередное условие. – Лишние руки нам не помешают.

– Лишние руки хоть знают, как пользоваться вещицей, которую держат? – рывкнула Надя.

– Уверен, ты меня научишь, – съехидничал Йован и, подойдя к ней, протянул винтовку. Девушка обвела его недовольным взглядом и грубо выхватила свою «Лапочку».

– Что насчёт капитана? – спросил Матвей. – Об этом вы думали? Найти сейчас капитана ничуть не легче, чем собирателя.

– Теперь я могу твёрдо заявить, что и здесь нам улыбнулась удача, – Вадим Георгиевич стал растирать руки в попытке согреться. – В «Мак-Мердо» нашёлся свободный капитан, согласившийся доставить нас до порта в Санкт-Петербурге.

– Его имя?

– Какой-то исландец, имя... как же его...

– Лейгур Эйгирсон, – подсказала недовольным тоном Надя.

– Точно! Лейгур Эйгирсон. Знаете такого?

– Нет, – у Матвея стали закрадываться подозрения. Он путешествовал со многими макмердовскими капитанами, но это имя слышал впервые.

– Так или иначе, двое моих парней, которые тоже будут участвовать в экспедиции, заранее отправились туда пять дней назад, чтобы узнать, что к чему, и не дать капитану сняться с якоря до тех пор, пока мы не прибудем в «Мак-

Мердо». Они должны были попасть туда как раз сегодня утром.

Матвей крепко задумался. Лейгур... Эйгирсон. Может, он всё-таки слышал о нём от кого-нибудь?

Эйгирсон, Эйгирсон...

– А теперь, с вашего позволения, мне и моим спутникам хотелось бы оказаться в более тёплом месте и, если вас это не затруднит, насытить наши желудки, – обратился Вадим Георгиевич к старосте, уже пританцовывая от холода.

Олег Викторович нехотя кивнул Йовану и велел проводить бывших пленников в бар.

– Стало быть «Мак-Мердо», а? – с воодушевлением воскликнул Йован. – Всегда хотел там побывать.

Но Матвей не разделял радости друга. Внутри снова всё сжалось, воспоминания нахлынули волной.

Его снова ожидала долгая дорога по снегам и волнам к далёким захваченным землям.

Дорога, на которую он так упорно не желал возвращаться и пытался забыть весь минувший год.

Глава 5. Клятва

Принцип работы безопасных ветряков – это поразительное сочетание простоты и инноваций, отражающее конец эры лопастных ветряков и решающее проблему их утилизации.

Безопасные ветряки используют так называемое вихреобразование, при котором ветер вызывает резонансные колебания в столбе ветряка. Это приводит к возникновению вибрации, которая преобразуется в механическую энергию, а затем в электрическую. Такая система создаёт уникальную возможность для безопасного, эффективного и экологичного производства электроэнергии в будущем.

Отрывок из научной статьи «Струны жизни – эковетряки будущего» со смартфона, найденного в 2073 году собирателем Павлом Тверским со станции «Новолазаревская».

22 января 2093 года

Быстро перекусив рыбой с картошкой и запив это всё кипятком, прогрессисты уже через полчаса вновь грузили на вездеход то добро, что Йован вместе с остальными успел выгрузить за минувшее утро.

Восточники протягивать руку помощи не спешили, одна-

ко, несмотря на жгучий мороз, скопились вокруг вездехода и злобно поглядывали на незваных гостей сквозь клубы морозного пара от собственного дыхания.

Перетаскивать вещи под натиском ненавистных взглядов было неудобно, прогрессисты то и дело озирались по сторонам. Но стоявший рядом Олег Викторович, всем своим видом напоминая надзирателя, под чьим строгим контролем происходят погрузочные работы, не спешил разгонять соотечественников. Напротив, он, как будто бы, наслаждался исходящим от прогрессистов беспокойством.

Тихая злоба восточников продлилась недолго. Небольшой отряд детишек, прятавшихся за спинами родителей, стал забрасывать чужаков снежками.

Надя не выдержала и бросила один из контейнеров, который почти закрепила стальным тросом на крыше машины.

– К чёрту, – прошипела она и зашла внутрь вездехода.

Домкрат посмотрел на Вадима Георгиевича и вопросительно пожал плечами.

– Грузимся дальше, немного осталось, – велел он, сопровождая приказ жестами.

В это время Матвей, находясь у себя в модуле, собирал в походную сумку всё необходимое для экспедиции. Когда его рука потянулась к метеодатчику, тело вдруг охватила дрожь, а в глазах потемнело.

Неужели он снова делает это? Ведь он поклялся больше никогда не возвращаться туда после случившегося. Сколько

прошло с тех пор, год? Так много! Но почему боль не утихает? Отчего до сих пор её ржавое лезвие режет его на части, заставляя вспоминать те страшные мгновения, когда он ничего не мог поделать?

Говорят, время исцеляет и затягивает шрамы. Хрень собачья! С головой так не работает. Эта боль похожа на груды горячего угля, которая неистово пылает внутри, напоминая о себе с каждым утренним пробуждением. И даже во снах она умудряется мучить, не давая ни минуты покоя.

«Ты, правда, хочешь этого? Снова взять на себя ответственность за людские жизни? Вновь сталкиваться с теми ужасными тварями, рвущими людей на части без всякого сожаления?»

– А есть ли у меня выбор? – пробормотал он про себя и осторожно взял в руки метеодатчик с портативным экраном.

«Нет у тебя выбора, – уже про себя заметил он, – эти люди нуждаются в тебе».

Собрав всё необходимое, Матвей, прежде чем уйти, осмотрел своё жилище. С трудом верилось, что он вырос и провёл почти всю свою жизнь в этих стенах, спасающих его от смертельного холода снаружи.

Каждый здешний уголок навевал воспоминания.

В том углу он прочёл свою первую книгу – «Белый Клык» Джека Лондона, а на койке возле иллюминатора наблюдал за южным сиянием во время полярных ночей. В детстве он думал, что это огромный змей, гигантское божество, проле-

тающее мимо.

Ах, да, куда же без обогревателя, занимающего половину южной стены. Сколько же с ним мороки! Мало того, что эту штуку нужно постоянно кормить ваттами, чтоб не замёрзнуть насмерть, так она ещё и ломается постоянно. Матвей вспомнил, как отец, в то время сам ещё плохо разбиравшийся в устройстве обогревателя, силком заставлял пятилетнего сына сидеть рядом, наблюдать за каждым его движением и внимательно слушать, что он говорит.

– Ты должен знать, как починить его, Матвей. Я не всегда буду с тобой, понимаешь?

И Матвей послушно кивал головой, думая, что если отец когда-нибудь и пропадёт из его жизни, то это будет очень и очень нескоро.

Странно, но даже по прошествии десяти лет с гибели отца внутри модуля до сих пор присутствовал его запах, такой древесный, грубый, который ни с чем не перепутаешь. Интересно, почему именно древесный? Ведь отец служил в морфлоте. Разве от него не должно пахнуть морем?

И вот опять, из-за предстоящей вылазки, у Матвея возникло твёрдое убеждение, что эти стены он видит последний раз. Он умрёт там, в тысячах километрах отсюда, как и воспоминания о жизни в этих семидесяти квадратных метрах, которые умрут вместе с ним.

Что ж, собираясь на захваченные мерзляками земли, от подобного никто не застрахован.

Матвей погладил стену, мысленно попрощался с домом и вышел в коридор.

Прежде чем отправиться к вездеходу, он решил зайти к Арине. Кто знает, может, это их последняя встреча? Ему жутко не хотелось покидать станцию, зная, что она по-прежнему держит на него обиду за отказ взять её с собой.

Добравшись до северных модулей, зашёл в кишку коридора и постучался в дверь.

– Арина, это я, Матвей.

Молчание.

– Ты здесь?

Снова никакого ответа. Он посмотрел вниз и увидел свет лампы, что просачивался через щель дверного проёма. Значит, Арина точно там и должна слышать его.

– Послушай, ты прекрасно знаешь, что я не могу взять тебя с собой.

Матвей слегка толкнул дверь, вдруг поддастся? Увы.

– Может, всё-таки откроешь?

Не дождавшись ответа, он тяжело вздохнул, снял с себя всю поклажу и уселся на пол, прислонившись к стене.

– Знаешь, я тебе прежде этого не рассказывал, но за три дня до смерти твоего отца я разговаривал с ним в его мастерской. Теперь уже твоей мастерской.

Лицо Курта Крюгера всплыло в памяти и навеяло чувство тоски. Бедолага в последние свои дни выглядел крайне удручающе: страшно похудел и напоминал ходячий скелет, обтя-

нутый кожей; в пожелтевших глазах лишь изредка появлялось то присущее ему добродушие, за которое его так любили.

Но, даже, несмотря на одолевающие тело слабость и усталость, он продолжал работать в мастерской, пока рак желудка всё-таки не доконал его.

– Я как раз вернулся с вылазки и принёс Курту всякого. Увидел, что ему стало ещё хуже, чем три месяца назад... – Матвей посмотрел на ваттбраслет и погладил кожаный ремешок, на котором крепилось устройство. – Он тогда случайно заметил у меня треснувший экран на браслете, и чуть ли не с рукой оторвал, чтобы починить. Сказал, что тут дело на пять минут, и велел остаться, пока он всё не исправит. Ну, я и согласился. И вот сидит он, меняет экран и вдруг говорит: «Я ведь скоро помру, Матвей, ты же это понимаешь?» Я ему не ответил, но мой опущенный взгляд всё сказал за меня. «Ты проследи, чтобы Арина в неприятности всякие не лезла, а то ты ведь её знаешь... Она вся в мать пошла, та тоже на месте усидеть не могла, всё ей двигаться нужно было вперёд. Да и за эти годы ты ей совсем как старший брат стал, понимаешь? Любит она тебя, очень сильно любит». Да, говорю я ему, понимаю. Я тоже её люблю.

Здесь Матвей остановил свой рассказ и выждал минуту в надежде, что Арина всё-таки откроет эту проклятую дверь. Да куда уж там... Или хотя бы словечко скажет! Но нет, молчит. Упрямая до невозможности, всегда такой была.

– Я не хочу и тебя потерять, ясно тебе? – строго произнёс он, теперь уже и сам почувствовав обиду. Ведь понимает девчонка, что могут не увидиться больше никогда! И всё равно...

– Ладно, – Матвей мысленно плюнул на всё это. – Скоро увидимся.

Он взял походную сумку, накинул на спину рюкзак и отправился к выходу из коридора. Однако, прежде чем выйти из модуля, ещё раз оглянулся в сторону двери.

Арина так и не появилась.

По пути к вездеходу Матвей пересёкся с Йованом, несущим туго набитый рюкзак, и спросил:

– Ну что, всё взял, как я велел?

– Да, вроде, – выдохнул друг, поправив лямки рюкзака. – Тёплая одежда, медицина, запасной ваттбраслет, нож, топорик. Только вот еды взял немного.

– Послушай, – на полном серьёзе обратился к нему Матвей. – Это последняя возможность отказаться. Никто тебя не осудит, старина, если ты откажешься. Захваченные земли, особенно для неподготовленного человека...

– Кончай, Матюш, – Йован хлопнул его по плечу. – Я с тобой в горе и радости, в богатстве и бедности...

– Да всё, верю, верю, – здоровяка лучше заранее прервать в его потугах пошутить, иначе он разойдётся так, что потом не остановишь.

– А где Арина? Я думал, она выйдет к нам попрощаться...

– Видимо, нет, – с едва скрываемой досадой ответил Матвей. – Она сидит у себя, не хочет выходить.

– Даже со мной? Вот же засранка...

– Холодает, – бросил Матвей, не желая больше говорить о девушке, – пойдём, не будем терять времени.

– М-да, – пробормотал Йован, бросив взгляд на южный комплекс. – Аришка, Аришка, ну, ты даёшь...

Через несколько минут они подошли к вездеходу. Судя по отсутствующим снаружи контейнерам, погрузка была завершена. Однако толпа даже и не думала расходиться, несмотря на усиливающийся холод. Матвей сразу понял, что восточники потребуют ответа, по какой это причине отпускают тех, кто своим присутствием давеча поднял на ноги всю станцию.

Матвей и Йован зашли в вездеход и сбросили вещи на пол.

– Думаю, вам будет лучше положить свои вещи в специальные отсеки, – предложил им Вадим Георгиевич, указав на стальной люк в полу.

– Думаю, я и без тебя разберусь, куда мне положить мои вещички, дедуля, – дерзко выдал Йован, одарив того издевательской улыбкой.

Тем временем, оказавшись впервые внутри вездехода, Матвей не мог не отметить, насколько вместительным был его салон. Помимо водительского и переднего сидений было ещё восемь посадочных мест, плюс довольно широкий проход между ними и широкие полки. Из вентиляционных отверстий с боков шёл тёплый воздух. Интересно, сколько

ватт жрёт этот кондиционер? Наверняка, как батареи в жилых модулях? Или больше.

Бросился в глаза и встроенный в приборную панель навороченный бортовой компьютер, чьи сенсорные экраны показывали температуру снаружи и внутри вездехода, уровень заряда аккумулятора, одометр, компас и навигатор.

Прежде Матвею не доводилось разъезжать на подобном транспорте. До «Мак-Мердо» он вместе с остальными восточниками-собираателями обычно добирался на стареньком «Ветре», рассчитанном на шесть пассажирских мест. Дорога на нём занимала пять дней пути, и включала в себя, ставший недоброй традицией, ремонт какой-либо неисправности, которую приходилось устранять водителю-механику, сопровождающему их до станции.

– Долго ещё? – с нетерпением спросил Вадим Георгиевич у Нади, указывая на Домкрата.

Матвей заметил, что тот сидел с ящиком инструментов у подножия водительского сиденья, под которым находился аккумулятор – сердце вездехода.

– Ещё несколько минут, – перевела Надя полученные в ответ раздражённые жесты от глухонемого напарника.

Но, судя по тому, как сильно Вадим Георгиевич сжал пальцы на руках, для него это прозвучало как «Ещё целую вечность».

– Что-то случилось? – поинтересовался Матвей.

– Ничего особенного, просто рядовая проверка аккумуля-

тора перед поездкой, – бросил Вадим Георгиевич.

– Как бы там ни было, отправляться нужно побыстрее, – дал совет Матвей и кивнул в сторону своего рюкзака. – Я прогнал метеодатчик для теста, и данные показали, что на станцию движется буря, почти двадцать три метра в секунду. Будет здесь через час. Если до этого времени не покинем станцию, застрянем тут надолго.

– Слышала? – с ещё большим нетерпением обратился к Наде прогрессист. – Вели ему поторопиться!

– Матвей, выйди-ка на минутку! – раздался снаружи хриплый голос Олега Викторовича. – И тащи с собой этого прогрессиста!

Лицо Вадима Георгиевич исказила мучительная гримаса, и он вышел вслед за Матвеем. Йован остался стоять в дверях, ссылаясь на опостылевший холод, но всё же желая одним глазком взглянуть, зачем староста позвал их к себе.

Олег Викторович, в который раз за день, бросил на вышедшего прогрессиста ненавистный взгляд, а затем обратился ко всем присутствующим.

– Братья и сёстры восточники, этот человек, брат всем известного вам Зотова... – озвученная фамилия сработала как брошенная голодной собаке кость, и толпа взъерепенилась. – Понимаю, понимаю, я разделяю ваше недовольство и желание не отпускать этого человека...

Матвей видел, как Вадим Георгиевич явно чувствовал себя не в своей тарелке, борясь с острым желанием плюнуть на

это сборище и зайти обратно в вездеход.

—...и я бы это сделал, если б не его клятва, которую он мне дал.

— Клятва? — прошептал про себя прогрессист. — Какая ещё...

— Этот прогрессист, Зотов Вадим Георгиевич, — прервал его староста, — дал мне слово, что если Матвей, наш с вами Матвей, окажет ему услугу по сопровождению, то он предоставит нам всё необходимое для того, чтобы пережить предстоящую зиму. И, не знаю, как вы, мои братья и сёстры, но я считаю, что это, как минимум, первый маленький шаг к искуплению совершённого ими в прошлом злодеяния. Вы согласны?

Восточники хоть и вяло, но выразили своё согласие. Однако Матвей всё же был уверен, что даже при хорошем стечении обстоятельств, до дружбы между станциями «Восток» и «Прогресс» ещё очень и очень далеко. Слишком уж тяжёлой и острой была боль, нанесённая прогрессистами.

— Теперь я хочу, чтобы свидетелями этой клятвы были все вы, а не только я, — произнёс Олег Викторович, после чего выжидающе взглянул на Вадима Георгиевича.

В это мгновение аккумулятор вездехода загудел. В дверях показалась Надя и грубо отпихнула плечом стоящего на ступени Йована.

— Мы готовы, — сообщила она Вадиму Георгиевичу.

Не отрывая взгляда от восточников, тот кивнул ей в от-

вет и махнул рукой, чтобы девушка возвращалась. Но она почувствовала напряжение, мгновенно возникшее среди людей после её слов, и предпочла остаться, засунув руку в карман.

– Они ждут, – негромко напомнил Олег Викторович.

Вадим Георгиевич издал задумчивое мычание, прошёлся глазами по толпе и громко ответил:

– «Восток» переживёт эту зиму. Как только мы вернёмся, «Прогресс» выделит вам достаточное количество еды. Даю вам слово.

– Поклянись, – прошептал староста.

– Клянусь, – немедленно ответил тот.

Олег Викторович подошёл к прогрессисту, положил руку в карман (Матвей заметил, что его движение не осталось без внимания Нади, коснувшейся рукоятки пистолета, спрятанного за поясом) и достал оттуда подвеску, изъятую у него вчера.

Увидев её, Вадим Георгиевич потянулся было к ней, но Олег Викторович отдёргнул руку и ещё раз напомнил ему:

– Ты поклялся, прогрессист.

После чего отдал ему подвеску.

– Ну, всё, расходимся! – велел староста. – Матвей предупредил меня, что скоро сюда заявится буря! Не мне вам говорить, как это опасно. Все по домам, живо, живо!

Вадим Георгиевич осторожно положил золотую цепочку в карман и молча зашёл внутрь вездехода.

– Следите за ним в оба глаза, ребятки, – староста по-отечески дал наставление Матвею и подошедшему к ним Йовану. – И за собой следите. Вы нужны нам здесь для предстоящей зимы, оба.

– Вернёмся, Олег Викторович. Никуда не денемся! – уверил его Йован.

Староста по очереди обнял каждого из них, как следует похлопав по спине.

Тем временем Матвей смотрел на расходящихся восточников в надежде увидеть Арину. Неужели не придёт? Даже сейчас?

Но вместо неё появилась она. Возникла, словно призрак, как и несколько дней назад, напоминая ему о случившейся трагедии.

Она приблизилась к ним. Матвей заметил в её руках свёрток из грубой шерсти, крепко завязанный кожаными ремнями.

– А, Валерия Анатольевна, ну, здравствуйте... – поприветствовал её грустным голосом староста, отвесив лёгкий поклон.

– Здравствуйте, Олег Викторович, – ответила она хрипловатым голосом. – А я...

Её руки, державшие свёрток, слегка дёрнулись. Женщина хотела было посмотреть в сторону Матвея, но увела взгляд в сторону. Её губы задрожали так, словно она готовилась вот-

вот зарыдать.

Сам же Матвей чувствовал страшную неловкость. Присутствие Валерии лишало его дара речи. Ему всё мерещилось, что скажи он хоть слово, даже самое безобидное, то непременно сделает ей только хуже.

И всё же, набравшись храбрости, он попытался хоть немного сдвинуть тот невидимый барьер, образовавшийся с момента их последнего разговора почти год назад.

– Валерия Анатольевна, я...

Женщина резко посмотрела на него своим скорбящим взглядом, и Матвей был уверен: сейчас она ударит его. Со всем как в тот день, когда он, будучи более не в силах вынести муки совести, сообщил, что бросил её сына на растерзание мерзлякам.

Собиратель даже ощутил жгучее прикосновение её холодной ладони к щеке и приготовился получить его, вполне заслуженно. Но вместо этого она лишь грубо всунула ему кожаный свёрток и поспешила уйти, делая размашистые шаги по глубокому снегу.

– Эй, нам пора! – крикнула показавшаяся в дверях Надя.

– Матвей, ты как? – Олег Викторович коснулся его плеча.

Матвей ощущал себя опустевшим сосудом, из которого вылились всё живое. Он крепко сжал свёрток и слегка прижал его к себе.

– Порядок, – соврал он старосте.

По улице разнёсся звонкий гудок. Прогрессистам не тер-

пелось скорее убратся отсюда.

– Ну, видимо, пришла пора нам прощаться, – Олег Викторович вытянул руки и ещё раз обнял их по очереди. – Берегите себя, ребята, слышите? Теперь на вас вся надежда.

– Присмотрите за «Полярным Переполохом», Олег Викторович, – попросил Йован. – Что б там убирались вовремя, пыль не разводили...

– Да прослежу я за твоей столовой, успокойся!

– За баром! – поправил его здоровяк.

– И вы себя берегите, Олег Викторович, – попрощался со старостой Матвей. – Всех наших берегите.

– Вот уже тридцать лет берегу, справлюсь.

Матвей кивнул, шагнул вслед за Йованом на ступеньку, ведущую к двери вездехода, и ещё раз обернулся.

Арина, ну, где же ты? Зачем ты вот так поступаешь со мной?

Он выждал несколько секунд, а затем зашёл внутрь.

Не прошло и минуты, как вездеход тронулся с места и отправился напрямик в сторону белоснежной и, казавшейся бесконечной, ледяной глади.

Глава 6. Доброе дело

Основной причиной большинства смертей в период так называемой Адаптации был острый дефицит медицинских средств и экстремальные температурные условия, которые способствовали развитию критических заболеваний, включая пневмонию, сепсис и различные формы гипотермии.

Голод являлся вторым массовым убийцей тех немногих выживших, что остались от всего человечества. Смерть в результате насильственных действий или самоубийств занимала лишь третье место в списке причин сокращения популяции людей в указанный период.

Точное количество жертв Адаптации на сегодняшний день установить невозможно ввиду отсутствия достоверных данных о численности выживших, перебравшихся на континент после Вторжения. Однако, безусловно, их количество может исчисляться десятками тысяч.

Из доклада профессора Лукаша Новака об «Адаптации и её последствиях», 2132 год.

22 января 2093 года

Не более часа минуло с тех пор, как они оставили «Восток» позади и начали свой, почти незаметный для челове-

ческого глаза, спуск по подлёдному рельефу.

Путешественников окружало огромное полярное плато, ослепляющее своей белизной. На его фоне даже столь большой вездеход казался маленькой песчинкой, чем-то инородным, совершенно не вписывающимся в эту величественную картину бескрайней Антарктиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.